

Мария
Сакрытина

НЕ ХОЧУ ЖЕНИТЬСЯ!

Девушка без права на ошибку.
Звезды юмористического фэнтези

Мария Сакрытина
Не хочу жениться!

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сакрытина М. Н.

Не хочу жениться! / М. Н. Сакрытина — «АСТ»,
2018 — (Девушка без права на ошибку. Звезды юмористического
фэнтези)

ISBN 978-5-17-108940-5

«Никуда не денешься – влюбишься и женишься», – сказала Эрику мать, а отец ее поддержал. «А потом станешь жить с женой долго и счастливо, растить детей и занимать должность при дворе, – добавила мать. – В самом деле, ты же не собирался становиться практикующим магом?» Эрик им давно уже был, более того – готовился защищать тезисы в Академии магии, но родителей это не волновало. «Не хочу жениться, хочу учиться!» – подумал Эрик и решил привести в дом такую невесту, чтобы у матери в глазах потемнело. И вот что из этого вышло...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-108940-5

© Сакрытина М. Н., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	37
Глава 4	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Мария Сакрытина

Не хочу жениться!

© М. Сакрытина, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

*Карине Соколовой,
без которой этого романа никогда бы не было*

Глава 1

Убег

ИЩУ МУЖЧИНУ ДЛЯ СЕРЬЕЗНЫХ ОТНОШЕНИЙ!

Отец-одиночка ищет мужа для повзрослевшей дочери. Честного, доброго, сильного, не брезгливого. Здорового (очень!). От 20 до 30. Дворянство не обязательно. Требуется любовь, нежность, внимание, романтические поступки. Портрет дочери прилагается.

Адрес: 7-я миля от Корчаковских болот, владения князя Кощева фон Бессмертнофф.

Эрик наткнулся на это объявление случайно – коротал время на остановке в ожидании омнибуса. Делать все равно было нечего, «Равнинные ведомости», старый номер, прочитаны с начала и до конца, осталась только последняя колонка – объявления. На ней Эрик от скуки остановился, а прочитав, хмыкнул: видать, совсем папочку приперло: объявление занимало самый центр колонки, было обведено в розовую рамочку и в прямом смысле бросалось в глаза. Внизу красовался обещанный портрет дочери. Эрик, изучив его тоже, присвистнул. Интересно, сколько отец-одиночка отвалил живописцу за это чудо? «Повзрослевшая дочь» действительно была дивно хороша: от высокой груди, которая в декольте никак не уместалась, до глаз, огромных и до того невинных, что Эрик мог бы последний пятак поставить: девчонка – та еще чертовка. Однако хороша: брови соболиные, уста сахарные, луком изогнутые, коса до пояса... Эрик не мог точно вспомнить, но ему казалось, что он эту «чертовку» уже где-то видел. И наверняка в «Равнинной клубничке». Там она тоже смотрела многообещающе, томно прикусывая губу, и грудь никакое декольте не стесняло...

«Честный, добрый, сильный, – перечитал Эрик. – С дворянством? Ха, ну и запросы у отцов-одиночек! Да ищи я себе женушку, на такой бы точно не женился. На вторую же ночь рога наставит – а то и на первую. И на что этот папочка надеется?»

Хмыкнув и посмотрев на дорогу – та все еще была пуста, – Эрик продолжил читать: «И все княжество в приданое!»

Эрик вздрогнул и прочитал это дважды – первый раз с открытым ртом. Посмотрел на «дочку» снова, теперь внимательнее. И наконец вспомнил, где ее видел – ни в какой не «Клубничке», а на приеме императора, где князь Кощеев, лучший темный маг империи по ту сторону Корчаковских болот, представлял свою единственную дочь Василису, с ходу прозванную общественностью Прекрасной. Было это два года назад, княжне только-только исполнилось четырнадцать, и Кощеев всячески намекал, что не против поскорее стать тестем какому-нибудь счастливчику. Потенциальные счастливчики кивали и отводили взгляды: какой идиот захочет связываться с некромантом? Да еще и сильнейшим. Посмотришь на его «кровиночку» не так – он в гроб в прямом смысле загонит.

Очевидно, храбрецов на Равнинах так и не нашлось, раз уж князь в «Ведомости» подался...

Тем временем цокот копыт, сопровождаемый трехэтажным матом, дал знать, что омнибус вот-вот прибедет. Эрик свернул газету, снова глянул на дорогу и поскорее отпрыгнул за свой ящик. Вовремя: омнибус лихо вырулил из-за поворота, чуть не завалившись на левый бок, и щедро обдал ящик Эрика грязью. Возница натянул поводья, взмыленные кони встали. Эрик выглянул из-за ящика.

– Ну ты садиться будешь или как? – бросил ему возница, лениво оглядывая пустую остановку.

Эрику очень хотелось ответить: «Или как», – он бы с удовольствием остался сейчас дома. Но в родовом имении царила матушка, графиня Эрина фон Цветкофф, а в съемной комнате общежития академии хозяйничал Ипполит, пятый сосед Эрика за всю его учебу. С соседями Эрику «везло» всегда...

Впрочем, везением Эрик отличался в принципе, а особенно сегодня. Сначала, за завтраком, он наткнулся на чьи-то мозги в холодильном шкафу.

– А это студент один заходил – оставил, – объяснил Ипполит (для друзей – просто Поля), появляясь на кухне.

Мозги плавали в алхимическом растворе, имели ровно четыре извилины и одну складку. Глядя на них, Эрик ни на секунду не усомнился, что это добро – студенческое.

– Обязательно хранить это рядом с моими пончиками? – только и спросил он, убирая чашу с мозгами обратно в шкаф.

– Учитывая, что половину моей полки занимает твой труп, – обязательно, – отозвался Поля и принялся медитировать над молоком с медом. – Это какие еще твои пончики?

Услышав этот вопрос, Эрик устался на свою полку. Кроме мозгов на ней ничего не было.

– Ипполит!

– А я думал, это общественные пончики, – протянул тот. – Ты же их не подписал. Как я мог знать?

– Блюдо было подписано!

– Да? – Поля нахмурился, вспоминая. – Ну так не каждый же пончик, знаешь ли.

– Ах ты! – Эрик подавился возмущением. – Да я тебя все твои зелья подписывать заставляю!

– Ты что, это же меня убьет! – притворно испугался сосед. – Ну ладно тебе, Эрик, я куплю тебе тортик. Хочешь?

– На что?! Ты беден как церковная мышь! – Эрик уселся за стол и тоскливо устался на пустое блюдо – единственное, что осталось от выпечки. – За что ты так с моими пончиками? Они с малиной были...

– А я думал, что там такое вкусное? А это малина-а-а, – улыбнулся Поля, попивая молоко. – Кстати, я сегодня к экзамену готовлюсь – ты мне не поможешь?

Со слов «ты мне не поможешь?» обычно начинались все неприятности в жизни Эрика (если их не произносила его мать, леди фон Цветкофф). Сейчас же Эрик, почуяв подвох, потребовал дать список вопросов. Список нашелся в банке, в руке кровопийцы болотной – она при жизни была модницей и ногти красила алым, да так хорошо, что лак держался уже месяц (с того момента как Эрик приобрел руку). Поля все грозился узнать состав и окрасить им стены в комнате, а то из-за алхимических экспериментов ни одни обои долго не держатся. Но пока все было недосуг.

– Тут же только яды. Чем я тебе могу помо... – Эрик поймал взгляд соседа и нервно сглотнул.

– Я тебя потом откачаю. Честное целительское, – побожился Поля. – Ну будь другом!

Эрик предпочел сослаться на занятость и сбежал. Но на кафедре его поймала профессор Серпентина и попросила, если Эрику не трудно, если ему по пути и это никак его не отвлечет, провести за нее мастер-класс в Военном университете. Эрику было трудно, не по пути, и это еще как его отвлекало! Но Серпентина, не мигая, долго смотрела аспиранту в глаза и тихо шипела: «Ты с-с-сделаешь-с-с-с мне одолш-с-с-сение?» Только дурак стал бы спорить с женщиной-змеей. Нагины выходили из себя стремительно, а от их яда никакие зелья не помогали.

Скрепя сердце Эрик согласился и был вынужден тащиться в университет на другой конец города, да еще и с громадным «учебным пособием».

– Это чего там у тебя? Скрипка, что ли? – глядя, как Эрик тащит – волоком – по грязи деревянный ящик с себя ростом, поинтересовался возница.

Эрик посмотрел в окна омнибуса – не час пик, но народа было прилично. Хорошо вознице, он снаружи сидит, ему внутри – в темноте и духоте – не ехать...

– Виолончель, – бросил Эрик, втаскивая ящик внутрь и пользуясь им как тараном.

Молоденькая девушка у входа отшатнулась сразу, мужчина – кузнец по виду – попытался устоять, но в итоге тоже подвинулся. Самой стойкой оказалась пожилая леди с клюкой, сидевшая в засаде у единственного в омнибусе окна.

– Слышь, музыкант, а шел бы ты пешком, – громко предложила она. Подвинутые пассажиры и те, что стояли у задней двери, но из-за Эрика были вынуждены прижаться друг к другу или к стенке, согласно загудели.

Эрик молча установил ящик на попу. Возница свистнул, кони тронулись, омнибус дернуло. Ящик стал заваливаться прямо на пожилую леди. Та, в свою очередь, толкнула его с таким звуком, что Эрик испугался, не пробила ли она доски.

Доски остались целы, а вот из ящика в ответ постучали. Громко, несколько раз и быстро – как будто изнутри головой бились.

– Эй, музыкант, ты там животину какую везешь? – снова поинтересовался возница, наклоняясь к узкому оконцу в салон. – За живность билет отдельный. Раскошеливайся давай.

– Оно уже лет пять как мертво, – глухо отозвался Эрик, прижатый ящиком. – А ну уймись! – В ящике в ответ застучали с удвоенной силой. Доски затрещали, но пока выдержали. – Господа, ни у кого не найдется шматка парной говядины? А то...

Говядина нашлась сразу же – соленая, с чесночком и перчиком – у той самой пожилой леди.

– Шпашибо, – поблагодарил Эрик, с удовольствием вгрызаясь в мясо. – А то я сегодня не завтракал...

Ящик вскоре успокоился, но весь омнибус хранил гробовое молчание аж до следующей остановки – как раз у Военного университета.

– Вы пропуск заказывали? – поинтересовался охранник у входа, оглядывая Эрика с ног и до ящика.

– Я вместо профессора Серпентины, – отозвался, отдуваясь, Эрик. – Она должна была вам телеграфировать.

Охранник посмотрел на Эрика с превеликим сомнением, залез под конторку и принялся копаться в записях.

– Эрик фон Цветочек? – и хохотнул. – А подходит!

– Цветкофф, – со вздохом поправил Эрик.

– Да неважно. – Охранник вылез из-под конторки и вперился в Эрика. – По портрету похож. Ну проходи, раз пришел. Куда идти-то, знаешь?

Эрик припомнил инструкции Серпентины. Конечным пунктом там значились ворота университета.

– Нет.

– Третий этаж и налево, пока не упрешься. – Охранник посмотрел на ящик. – Тебе с гробом твоим помочь?

Эрик хмуро покачал головой.

– Не надо, он чужих не любит.

И, взвалив на себя ящик и испачкав и так уже давно не светлое пальто, потащил его к лестнице.

Шел десятый час, занятия минут двадцать как начались, и на лестнице, как и в коридорах, царил тишина – пока Эрик не споткнулся на втором пролете. Ящик, звонко подпрыгивая на

ступеньках, покатился вниз (сохраняя при этом гробовое молчание). Эрик вернулся и снова поволок его наверх. До третьего пролета, где история повторилась.

– Вы не могли бы потише? – поинтересовался, выглядывая из аудитории на третьем этаже, здоровенный тролль в эполетах (голый полностью, зато в эполетах – те были вытатуированы на могучих плечах четко и художественно, до последней кисточки).

Отдуваясь, Эрик остановился и задрал голову.

– Нет.

– Уверены? – прищурился тролль и поиграл бицепсами.

Эрик споткнулся снова – и ящик опять запрыгал по ступеням.

– Полностью.

Тролль посмотрел на ящик, хмыкнул. И, подвинув Эрика к перилам, легко поднял «гроб» на плечо.

– А ну тихо там! – рявкнул в свою аудиторию, из которой уже шел мерный гул, напомнимший Эрику сходку упырей по полуночи. – Куда нести?

Эрик показал на дверь в конце коридора.

– А, так ты маг, что ли? – хмыкнул тролль, тут же переходя на ты. В три шага преодолел коридор, дождался Эрика и добавил: – Ну удачи. У тебя там самый цвет золотой молодежи сидит, кстати.

– Угу. Спасибо. – Эрик снова взвалил ящик на себя – и чуть не снес им дверь.

Цвет золотой молодежи гудел куда громче упырей пополуночи, но быстро успокоился, когда в аудиторию вошел сначала ящик, а за ним и Эрик.

– Мастер-класс «Те, кто в ночи»? – тяжело дыша, уточнил он.

– И кто из вас учебное пособие? – полюбопытствовали в ответ из первого ряда.

– С трех раз угадай, – невежливо предложил Эрик и поволок ящик к доске, совершенно не обращая внимания на бардак в аудитории. Студенты обещанный мастер-класс явно уже не ждали: кто устроил забег вокруг парт, кто на этих самых партах валялся, а одного блондинистого курсанта Эрик снял прямо с пюпитра. Точнее, грубо спихнул.

Потом прислонил ящик к доске, снял пальто – после омнибуса скорее серое, чем бежевое, – и забубнил:

– Здравствуйте, я аспирант кафедры некромантии Магической академии...

– А мы нагину ждали! – перебили его.

– Угу, вот уж на нагину он точно не похож, – добавили с третьего ряда.

– ...Начнем с классификации ночной нежити, – так же монотонно продолжил Эрик.

– Да он эту нежить и в глаза небось не видел, – хохотнул кто-то со второго ряда. – А, аспирант?

– А то – ты посмотри, какой божий одуванчик!

Эрик уныло глянул на поднимающиеся вверх ряды насмешливых студентов. Да, на первый взгляд его можно было представить разве что музыкантом: что поделать, лицом Эрик уродился в матушку, когда-то первую красавицу Равнин. Миловидный – одень в женское платье, сойдет за девочку; голубые глазки, курносый носик, уморительные светлые веснушки... Прибавить к этому еще и золотистые волосы кудряшками до плеч, и станет понятно, почему на первом курсе Эрик моментально получил прозвище Одуванчик. До первого практикума.

– ...Записывайте десять способов упокоить упыря обыкновенного, – не отвлекаясь на насмешки в свой адрес, бубнил Эрик, прислонившись к доске. По его слову на той появлялся подробный конспект лекции, который студенты и не думали копировать в свитки. – Способ первый: лопатой по темечку. Способ второй – осиновым колом...

– А что, дубовым нельзя? – кто-то лекцию все-таки слушал.

– Можно плетнем, – зевнул Эрик. – Способ третий – «свят-свят», крест и холодная святая вода. Горячая молитва потом будет весьма кстати...

– Упырь заслушается? – усмехнулся кто-то с третьего ряда. Кажется, тот же, кто не нашел в Эрике признаков нагины.

– Смотря как читать – может и заслушаться, – кивнул Эрик. – Но после желательно применить способ четвертый: убеги...

Закончив через полчаса – про лекцию к тому времени забыли абсолютно все студенты, – Эрик три раза хлопнул в ладоши. Тишина не сразу, но настала.

– Прошу еще раз прочитать способы упокоить упыря. Они на доске.

Студенты равнодушно посмотрели на доску и тут же отвернулись.

– Чего мы там не видели, – прокомментировал кто-то с первого ряда.

– Это все? Если мы закончили, можно нам уже уйти? – добавили с галерки.

Не слушая, Эрик снова зевнул, отлепился от доски, подошел к ящику, открыл замок и тут же отскочил в сторону.

Ящик хранил молчание.

– Что там у вас, профессор? – вяло поинтересовался кто-то из студентов. – Неужели макет упыря?

– Зачем же макет, – хмыкнул Эрик, пиная ящик. Тот содрогнулся: упырь из него вывалился самый настоящий и очень даже живой. Рыча, он с ходу бросился на первый ряд. – Я надеюсь, вы меня внимательно слушали?..

Потом, снова зевнув, прислонился к стене – пока студенты Военного университета тренировали способ четвертый упокоения упыря: убеги. Увы, Эрик заранее зачаровал дверь и даже окна – хотя аудитория была на самом верху башни. Но кто этих вояк знает – отчаянные же ребята...

Через полчаса, когда прозвонил колокол, Эрик умудрился задремать, невзирая на крики и хаос, царящие в аудитории. Способность спать на кладбище под боком у упырей неизбежно осваиваешь после третьей же сессии – а Эрик сдал их уже десять, так что был в этом деле профи.

Студенты забаррикадировались от упыря в дальнем углу аудитории. Как они передвинули привинченные к полу столы, Эрик понятия не имел да и не сильно интересовался. Он опять зевнул, потом заморозил упыря заклинанием, посмотрел на баррикаду и, пробормотав: «Ну, так тоже можно», потащил «наглядное пособие» обратно в ящик.

– Мастер-класс закончен, спасибо за внимание, все свободны, – бросил он через плечо, защелкнув замок. Упырь сидел тихо – еще не отошел от заклинания.

Из аудитории Эрик вышел первым – хоть и собирался не торопясь. Студенты тихо отсиживались за баррикадой и провожали его гробовым молчанием. Уже взявшись за дверную ручку, Эрик повернулся и участливо поинтересовался:

– Вы там точно живые?

– А что бы вы делали, если бы мы были мертвые? – после паузы поинтересовался кто-то из студентов. Остальные только согласно вздохнули.

– Попросил бы в вашем деканате свежий труп, – улыбнулся Эрик. – Мне как раз нужен для опытов. А что, есть добровольцы?

Студенты снова замолчали. Эрик пожал плечами:

– Ну, как знаете. – И вышел.

Прямо на пороге аудитории его поджидал тролль в эполетах.

– Коллега? – заглядывая Эрику через плечо в аудиторию, спросил он. – Что вы там с ними делали?

Эрик бросил на него удивленный взгляд из-за ящика.

– Проводил мастер-класс по упырям. А вы не поможете мне спустить это с лестницы?

– У-у-у-у! – провыл изнутри упырь.

Тролль заглянул в аудиторию, оценил баррикаду и подхватил воющий ящик на плечо.

– Вот это я понимаю – практика! – И, понизив голос до очень громкого шепота, добавил: – Так с ними и надо. Поступают, все в титулах, а учиться ни черта не хотят – и что хочешь с ними, то и делай. – И, уже у выхода, отдавая Эрику ящик и явно смущаясь, поинтересовался: – А вы гидру никак достать не можете? Очень нужно для практики...

– Лоснийскую или обыкновенную?

– Да хоть какую-нибудь, лишь бы огнем дышала. – Тролль тоскливо вздохнул. – У нашего деканата же снега зимой, а не то что гидру, не допросишься.

– Я узнаю, – кивнул Эрик, чей деканат тоже не был щедрым на учебные пособия, зато была собственная практика.

Упыря Эрик по возвращении в общежитие запихнул обратно на вторую полку холодильного шкафа. И угрызениями совести не мучился, потому что мозги не исчезли – к ним еще и сердце в банке прибавилось. Правда, больше похожее на вампирье, чем на человеческое, но Эрик не присматривался.

Из соседней комнаты – их с Полей спальни – доносились характерные стоны:

– Ох! О-о-ох! А-а-а! О-о-о!

Эрик поморщился, поискал в холодильнике еду, нашел внутренности гидры, а сверху почему-то солонку. Вздохнул, закрыл холодильник и, прихватив аптечку, направился в спальню.

Ипполит, весь мокрый, опухший, а в довершение образа еще и синий, лежал посреди комнаты и громко, протяжно стонал.

– Жидкая смерть? – уточнил Эрик, смешивая противоядие.

Стоны не изменились. Эрик присмотрелся внимательнее и предположил:

– Антейская водичка?

– А-а-а, – одобрительно простонал Поля.

Эрик исправил противоядие и быстро накапал его соседу прямо на опухший посиневший язык. Минуту ничего не происходило, затем стоны начали стихать, а потом и опухоль спала.

– На пересдачу отправили, – пропыхтел Ипполит, обретя голос. – Чертова антейская водичка! Как я мог отличить ее от арвентских слез? Они же обе прозрачные и без запаха!..

– Когда пересдача? – перебил Эрик, заранее прикидывая планы: куда бы свалить, пока Ипполит будет готовиться.

– Завтра...

– Сегодня явно не мой день, – попытожил Эрик, обреченно оглядываясь на дверь.

Ипполит хмуро посмотрел на него.

– Кто бы говорил! Еще чуть-чуть – и не видать мне магистратуры как своих ушей... Которые я тогда рискую увидеть, если вернусь домой лишь с бакалаврским дипломом. Папаша меня расчленил... Но теперь-то ты мне поможешь? Твои дела уже закончились?

– Мне... э-э-э... надо написать отчет по мастер-классу. – Эрик торопливо вскочил и подхватил сумку. – Но как разберусь с ним, так сразу...

– Друг называется, – пробурчал Поля в спину Эрику. – Не может ради соседа яду выпить...

Эрик торопливо выбежал за дверь. От будущих магистров по целительским наукам, как и от упырей, побег тоже помогал лучше всего.

* * *

По ту сторону Корчаковских болот

Василиса фон Бессмертнофф умудрилась родиться красавицей. А это сложно, когда твой папа – темнейший из всех темных некромант, больше похожий на скелет, чем на человека, а мать – ведьма, которую этот папа невесть как откопал на болотах. Воздух там не сильно-то

для здоровья полезный, поэтому в свои тридцать пять Ядвига фон Бессмертнофф походила на старуху, скрюченную в три погибели и с огромным носом, украшенным бородавкой.

Чета фон Бессмертнофф жила душа в душу (если такое выражение применимо к некромантам) ровно пять лет. Потом Ядвиге, по ее выражению, все надоело, и она сбежала обратно в избушку на болоте, оставив мужу трехлетнюю дочь, а самой дочери – книгу заклинаний и защитный амулет в виде черепа. В темноте он светился, как фонарь. Василиса назвала его Йориком. Йорик был ей вместо плюшевого мишки, а потом, когда девочка подросла, амулет уменьшился, обзавелся серебряной цепочкой и превратился в кулон. С ним и книгой заклинаний Василиса никогда не расставалась.

Итак, у двух, прямо скажем, безобразных родителей родилась прелестная девочка, унаследовавшая от папы с мамой семейную упертость и силу – вот только не магическую. В три года Василиса уже без проблем сгибала подковы, но без материнского амулета не способна была произвести даже самое простенькое заклинание. Отец еще года два с ней бился, нанимал иноземных преподавателей, сам занимался, но без толку – магией княжна так и не овладела. Зато росла Василиса здоровенькой, любила верховую езду, знала болота как свои пять пальцев, могла запросто уложить на лопатки медведя и ничего не боялась.

Вот только с учебой по-прежнему не складывалось. Когда девочке исполнилось девять, князь выписал ей иноземную гувернантку. Та говорила на десяти языках, вышивала крестиком и гладью, вязала спицами и крючком и кроила платья за какой-то час. А еще отлично готовила, к тому же знала этикет и экономику, как Василиса – болота. То есть как свои пять пальцев.

На болота, к маме, Василиса от нее и сбежала. Гувернантка догонять не стала, зато пригрозила князю неустойкой (прописанной в договоре мелким шрифтом). Князь чертыхнулся, поскандалил с супругой, сам вытащил родную кровиночку из ближайшей топи, и месяц Василиса училась быть леди. Мягко говоря, получалось у нее не очень: пятистопные стихи она складывать не умела и не хотела, пела противно, готовить даже не пробовала, а уж вышивала...

Через месяц князь плюнул на ее образование, выплатил неустойку, и Василиса была свободна, как в поле ветер, до четырнадцати лет.

– Дорогая, – сказал ей тогда любящий папа, – ты уже совершеннолетняя. Теперь ты выйдешь замуж!

– ...! – ответила дочка.

Отец пригрозил вымыть ей рот с мылом и добавил:

– Девочка моя, я очень тебя люблю, ты же знаешь. Но толку от тебя никакого: дело я тебе свое передать не могу, а вот приданое у тебя огромное. Смекаешь?

Василиса смекнула.

– Па-а-ап, ну зачем нам в доме посторонние? Не хочу я замуж. Мне и так хорошо.

Князь вздохнул и, пустив слезу, выдал, как он волнуется за судьбу дочери – если вдруг его не станет, кто тогда о ней позаботится?

Василиса в ответ скрутила в узел кочергу.

– Пап, я и сама справлюсь. Ты же знаешь.

Князь снова вздохнул и признался:

– Внуков понянчить хочу. Может, среди них будет кто-нибудь одаренный? Ему-то я в завещании и опишу продолжение моих экспериментов. Не матери же твоей, в самом деле...

Василиса снова выругалась: все упоминания о ее магической ущербности она с детства ненавидела.

– Ну ты посмотри на себя, – сказал князь, подводя ее к зеркалу. – Ты же у меня картиночка. А богата как!.. Да тебя с руками оторвут.

– Угу, – отозвалась Василиса, на всякий случай пряча руки за спину. – Только не готова я еще замуж. Пап, мне только четырнадцать!

– И что? – удивился князь. – Ты же женщина. А для женщины это естественно, а значит, легко. И вообще, поговори с мамой. Она тебе лучше, чем я, объяснит, как там... замужем.

Василиса поговорила. Мама тоже была не против возможной свадьбы, но вот ее рассказ про семейную жизнь Василисе совсем не понравился. Она стала думать, как быть, пока князь деятельно менял ее жизнь.

Сначала Василису переодели из мужского платья, которое она носила постоянно, в женское – и заставили в нем ходить. Василиса чертыхалась поначалу, но привыкла.

Потом ее потащили к императору. Тут обнаружился некоторый пробел в воспитании, но он компенсировался красивой внешностью. Действительно – подумаешь, княгиня за столом себя вести не умеет! Его величество даже нашел это милым.

Потом начали появляться женихи. Они приходили, косились на ручных гидр, химер и слуг-зомби, пугались призраков и гробов, но с князем ужинали охотно. И не сбегали, даже когда он без предупреждения брал у них кровь на анализы (мало ли, вдруг ребенка зачать не способны?). Еще они сально смотрели на Василису, а потом вызывались проводить невесту до ее покоев. По пути они обязательно находили темную нишу, в которую сворачивали, прижимали Василису к стене...

Чаще всего из той ниши они вылетали быстрее ветра, а дальше княжна спускала их с лестницы, провожая угрозами, не всегда цензурными. Впрочем, на некоторых это не действовало, и со временем Василиса придумала другую тактику: она рассказывала, что их ждет, если они женятся. Да, им придется жить в этом склепе, потому что князь не расстанется со своей дочулей. Да, им еще придется убирать и готовить. Потому что ни князь, ни дочуля делать это не намерены, духи не умеют, иностранные повара постоянно сбегают, а кушать хочется всегда. И да, под ногами так и будут крутиться химеры и горгульи. Потому что тут все некроманты. Ну или почти все. В общем, вы, господин, хорошенько подумайте – оно вам надо?

Обычно, подумав до утра, женихи торопливо прощались с князем, еще торопливее с невестой – и уезжали. Так длилось два года, но, когда Василисе исполнилось шестнадцать, терпение князя лопнуло. «Ты выйдешь замуж!» – сказал он и заставил Василису позировать для портрета. Только взглянув на готовую работу, княжна поняла, что на этот раз ее все-таки окольцуют. Художник не то чтобы ей польстил, но, скажем так, сделал акцент на нужные места.

Довольный князь буквально искупал его в золоте, а потом пребывал в хорошем настроении целую неделю.

– Выдать бы тебя, Василисушка, за красавца молодого да смелого. Бог с ним, с гробом и мертвецами, лишь бы любил, да? – говорил он за обедом.

Василиса мрачно макала сушки в чай и думала: «Ну уж нет, папенька. Живой не дамся».

Однако упрямство было семейной чертой фон Бессмертнофф, и князь ради мечты понять внуков легко мог поднять и безвременно усопшую дочь из могилы. Это совсем не было бы ему сложно: лучшему-то темному магу по ту сторону Корчаковских болот (Василису порой интересовало, а кто же лучший по эту сторону, – но это явно было тайной за семью печатями. И император, и отец, и другие маги о том молчали).

Женихи стали прибывать на второй же день после публикации объявления. Из окна своей башни Василиса мрачно смотрела на длинную их очередь – от ворот до самых болот – и хмурилась все сильнее и сильнее. Этих она точно не образумит. То есть точно не всех...

Зато князь был счастлив. Он еще неделю собирал женихов в специально для этого за ночь построенном дворце – облагоустроенный сарай плюс иллюзия, потом объявил: дескать, чтобы не ошибиться в выборе мужа для его кровиночки, он устроит испытание аккурат на все четыре качества, указанные в резюме, – честность, доброту, силу и небрезгливость.

Половина женихов отсеялась сразу. Тихо они не ушли – попытались устроить скандал. «Не было в объявлении ничего про испытание!» – кричали они у ворот замка. И еще: «Покажите невесту, может, тоже липа?» До вечера возмущались, а как ночь настала, упал туман...

Никто тех женихов больше не видел. Зато вой горгулий и шипение гидр слышали все. Оставшиеся сто пятьдесят претендентов на Василисины руку и сердце только сейчас поняли, в какую мерзость они вляпались. Но, как говорится, было поздно.

Утром князь с ходу устроил пир в честь предстоящего испытания и долго сокрушался, что некоторые молодые люди, откликнувшиеся на объявление, оказались недостойны его кровиночки. Оставшиеся женихи слушали его молча и мрачно, а когда князь намекнул, что раз уж пришли, то дороги у вас две – или под венец, или на кладбище, – они преисполнились такой решимости победить, что Василиса поняла: надо что-то делать, и срочно – или тоже идти под венец.

За советом Василиса обратилась к маминой книге и гаданию. Ни то ни другое результатов не дало, и Василиса промаялась еще сутки. Князь как раз объявил испытание: женихам предстояло вымыть замок, двор, конюшни и питомник, а также приготовить свадебный пир.

– А я за свадьбу платить не буду, – добавил он. – Вот еще! Вы же хотели жениться – вот вы и заплатите. Но сначала подготовьте мне замок. Можете и ремонт сделать. У Южной башни вон крыша прохудилась.

– Вам что, нужен муж-поломойка? – возмутились женихи.

– Как хорошо, что мы так сразу друг друга поняли! – обрадовался князь.

Еще тридцать женихов той ночью попытались сбежать. У двадцати это получилось, но больше их, опять же, никто не видел.

А Василиса поняла, что ей пора начинать жить по-новому. Самостоятельно. Без отцовской опеки. Брать, так сказать, контроль в свои руки. И давно пора... Остался только вопрос, чем заняться.

Долго ли, коротко ли катала Василиса яблочко по блюдечку, смотрела на карту Равнин, а особенно на столицу. Пока княжну не осенило: да ее прямо-таки ждут не дождутся в Магической академии. Ну и что, что не колдует, зато там общежитие дают, стипендию, а на факультете боевых магов ее сила только плюсом будет. В буклете вон пишут, что магия для этой специальности не главное. Да и волшебства какого-никакого и от амулета хватит. Вот только прием уже закончился... Но ничего, с этим Василиса справится. Примут, еще и спасибо скажут.

Осталось последнее препятствие – сбежать Василиса может, но стоит ей оказаться в столице и даже поступить, как отец сразу ее вернет. Значит, нужно было как-то так измениться, чтобы и родной папочка не узнал...

Василиса снова обратилась к книге заклинаний и нашла, что нужно. Правда, время поджимало...

А женихи принялись за уборку.

– Может, чудовище призовете и мы лучше с ним сразимся? – стонали они в конце первого дня.

– Ну-ну, а потом один из вас зарубит моих маленьких домашних монстриков? – фыркнул князь, кинув кость крутившейся под столом химере ростом с волка. – А потом еще и меня, чтобы княжество поскорее унаследовать? Не дождетесь. – А когда женихи мрачно промолчали, добавил: – Зачем нам муж-белоручка? Да, Василиса? Нет, нам нужен муж, который и сготовит, и сказку на ночь расскажет, и это... как там... «как за каменной стеной»! Точно, стенкой, когда нужно, прикинется.

– Этого не было в объявлении, – робко заметил чей-то одинокий голос. – Про стенку, готовку и сказку. Да я у плиты в жизни не стоял!

«Я тоже», – подумала Василиса.

– Ась? – тут же прикинулся глухим князь. – Хотите еще и поля до болот мне вспахать? Прекрасно! Трудолюбие – вот это я люблю!

«Зачем мне вообще муж?» – думала Василиса, но молчала.

По ночам она тихонько одалживала у отца из лаборатории нужные ингредиенты и до утра готовила их в своей комнате на сковороде. Чугунной, тяжелой сковороде, которую так удобно использовать как оружие, если припрет. На сковороде Василиса жарила листья лебеды и лягушачьи шкурки. Пахло это мерзко, постоянно подгорало, но княжна не сдавалась. Судя по состоянию замка с двором, у нее было дня три, не больше.

Время шло – женихи ломались и сбегали (и больше их никто не видел), Василиса паковала вещи, князь входил во вкус. Он уже обсудил сам с собой дизайн детской, умудрился сам с собой поспорить, выписал из столицы лучших художников и плотников, которые этой самой детской и занялись.

А оставшиеся женихи стали плотоядно поглядывать на Василису, словно примеривались, с какого бочка ее укусить – князь их не кормил принципиально, дескать, «сами мне пир приготовите».

Василиса стала носить с собой кухонный нож – на всякий случай.

Когда день «Х» настал, вымотаны были все, даже князь. Претендентов к тому времени осталось пятеро – им надлежало убрать чердак. Василиса – на всякий случай – вместе со своей ведьминой кухней спешно переехала в подвал. Там она наблюдала за испытанием в блюдечко – женихи не столько убивались, сколько пытались скинуть друг друга с крыши. Василиса мрачно усмехалась: дурни, вот уж когда выживший будет завидовать мертвым... Но все они думали сейчас только о брачной ночи и пире, а не о том, что князь сделает с ними после, – и Василисе их было даже немного жаль. Впрочем, себя она жалела сильнее.

Ее зелье было готово, как раз когда выживший жених – какой-то там по счету принц из соседнего королевства – торжественно предстал перед князем, и тот так же торжественно вручил ему отрезанную женскую руку – дескать вот, за что боролись... Посмотрел на вытянувшееся лицо принца, расхохотался, забрал руку и предложил отвести к невесте. Та же заждалась, наверное, бедняжка.

Бедняжка остановила яблоко, выдохнула и залпом выпила готовое зелье. Минуты не прошло, как вместо красавицы зеркало показало ей такую яркую уродину, что Василиса и сама на мгновение испугалась. Волосы сменили цвет, став черными и жесткими, как палки, лицо обзавелось громадным бородавчатым носом (прямо как у мамы), глаза превратились в щелки, рот неприлично увеличился. Фигура тоже изменилась – стала плоской, как доска. Платье на Василисе тут же повисло, а вот сменная мужская одежда из отцовского гардероба, наоборот, пришлась как нельзя впору.

Василиса еще помечтала, что было бы, узри ее жених такой. В худшем случае сбежал бы. Но что толку – отец ей просто нового найдет... Понадобится – так на аркане притащит. Нет, пора с этим кончать и жить по-новому.

Вздыхнув и подхватив вещи, Василиса достала приготовленную лягушачью кожу, приложила ее к груди – и исчезла.

В этот же момент дверь распахнулась.

– Василисушка! Встречай жениха! – с порога объявил князь, улыбаясь от уха до уха. На его костлявом лице это смотрелось омерзительно. – Что ж ты не в светелке своей, а в подвале, как какая-то крыса, маешься?... Заходите, принц, заходите. Получите свой приз – прекрасную жену...

Принц, однако, не торопился. В комнате стоял дым, почему-то зеленый, и пах он вчерашними носками так убойно, что даже привычный князь закашлялся.

– Васька! Что за шутки? Где ты, кровиночка моя?

И исчез в зеленом дыму. Из которого через пару мгновений раздалось:

– Убе-е-егла! Убегла! Держи дуру! Кхе-кхе! То есть, э-э-э... Укра-а-али! Мою крохоту-лечку похитили! Во-о-о-оры!!!

– А-а-а-а! – тут же во всем замке откликнулись зомби-охранники. – Р-р-ра!

Очень скоро бывший склеп-замок был поднят на уши, прочесан вдоль и поперек, но княжна так и не обнаружилась.

– Найду – за косу отгаскаю, – шипел князь, запирая принца-победителя в его комнате. Тот вздумал возмущаться, что это все подстроено, дурак. – Ну, Васька, ну удружила... На болотах ищите, она точно там!

– Р-р-ра! – отвечали зомби.

Одинокую болотную лягушку, скачущую к воротам, никто не заметил.

* * *

– Н-на! – Ипполит торжественно вручил Эрику коробку пончиков.

В столице, не иначе как для разнообразия, светило солнце, с болот в кой-то веки не тянуло никакой гнилью, день был теплым и приятным. Ничто не предвещало беды – а ведь на носу очередной учебный год, и беда в лице студентов явится неотвратимо. Эрик уже мрачно ее предвкушал.

Зато Ипполиту все было нипочем. Экзамен он все-таки сдал – чуть не скончавшись прямо перед преподавателем (снова перепутал водичку и слезы), но успел в последнюю минут завершить приготовление противоядия и выпить. Магистратура для него должна была начаться вместе с первой работой, и Поля еще просто не знал, что его ждет. Со студентами он раньше общался только у себя на курсе. «Счастливый», – думал Эрик.

А Поля ни о чем не думал и просто улыбался.

– Ну чего ты такой кислый? Еще купить?

Эрик открыл коробку и мрачно взял первый пончик.

– Он с клубникой.

– А ты с чем любишь? – удивился Поля. – А, с малиной! Ой, ну извини. Эй, милочка, у вас с малиной есть?

Поля умел так улыбаться всем окрестным девушкам, что те в два счета были готовы за него и замуж, и детей родить, и яду выпить. Малиновые пончики тоже нашлись, Эрик так же мрачно их принял.

– Что случилось-то?

– Мне дали курс боевых магов, – замогильно отозвался Эрик.

– О, чудно! Кладбища, практика, – все как ты любишь, – воодушевился Ипполит. – Нет?

– Угу. Толпа накачанных идиотов без капли магии, зато сила есть – ума не надо, – отозвался Эрик. – Обожаю. Я уже видел мельком пару человек с моего курса. Заселялись в общежитие. Упырь от одного их вида сбежит. – И, поймав недоуменный взгляд соседа, пояснил: – Там три меня, что ввысь, что вширь. И одни мальчишки. То, что я хотел, ты прав.

– Съешь еще пончик, – посоветовал Поля. – Хочешь шоколадный?

– Нет.

– А я хочу. Вот бы у меня подопытными были девочки... Милочка!..

Эрик чувал, что на этом его «везение» не закончится, – и оказался прав. Когда полкоробки пончиков уже было съедено, к Эрику подлетел мальчик-посыльный.

– Господин фон Цветкофф?

Эрик приготовился.

– Вам письмо от леди... э-э-э... леди Эрины. Распишитесь, пожалуйста.

– Это не я.

Мальчик запнулся. Посмотрел на письмо, на портрет Эрика на конверте.

– Но...

– Ты. Меня не видел.

– Но...

Эрик протянул ему золотой и повторил:

– Ты меня. Не видел.

– А! – Мальчишка улыбнулся. – Извините, господин, обознался.

И только Эрик вздохнул с облегчением, как позади раздалось:

– Простите, милорд, но вас видел я.

– Родри-и-ик, – простонал Эрик, вытягивая губы в вежливой улыбке. – Какая встреча!

Как здоровье моей матушки?

– Прекрасно, милорд. Леди сказала передать вам лично в руки. – Эрику отдали конверт.

Эрик повертел его, покивал – и швырнул в чашу фонтана. Конверт плавно спланировал в воду и, размякнув, опустился на дно.

– Спасибо, Родрик.

– Пожалуйста, милорд. – Дворецкий семьи фон Цветкофф поклонился. – Тогда вы должны знать, что леди приглашает вас в субботу в пять вечера на чай.

Эрик нахмурился.

– В пять? В субботу? Я не могу, у меня практикум.

– Леди с удовольствием наймет для вас некроманта, милорд.

– Или лично побеседует с каждым упырем, – добавил Ипполит, который однажды имел удовольствие познакомиться с леди фон Цветкофф. – Эрик, лучше перенеси свой практикум. Честное слово...

– Куда? – Эрик полез в сумку за расписанием. – Я еще три лекции в этот день веду! Мне что, упырей в полдень расталкивать?

– Мы будем ждать вас, милорд, – подытожил дворецкий и откланялся.

– Снова начнет мне кого-нибудь сватать, – пробормотал Эрик.

– Да ладно, – улыбнулся Поля, – если красotka – хорошо, приятно проведешь время...

– Приятно?!

Символично в этот момент на солнце набежала туча, а мимо фонтана широкими шагами прошла девица такой примечательной наружности, что обернулись посмотреть на нее абсолютно все. Девушка, и раньше не красавица, еще и накрашена была как... в стиле зомби пополам с вампиром. От нее и несло погребальной конторой – ладан и что-то еще тяжелое, пряное... На шее болтался массивный кулон в виде черепа, а под мышкой девица сжимала книгу. Во второй руке она прокручивала за рукоять сковородку.

«Чучело огородное», – подумал Эрик. И тут же решил, что к чучелам он несправедлив. Они, пожалуй, краше будут.

– Куда это она? – тихо поинтересовался Ипполит.

Шла девушка очень целеустремленно, и через пару минут стало понятно куда – к воротам академии.

– Так прием же давно закончился, – прокомментировал Поля.

Видимо, то же сказал девушке и привратник-троль. Девушка не смутилась. Она раскрутила сковородку, и – дзынь! – троль упал, загородив собой проход. Девушку и это не смутило – по привратнику она прошла и так же целеустремленно зашла в открывшиеся ворота.

– Интересно, в деканате она их тоже сковородой бить будет? – хмыкнул Ипполит. – Однако надо отдать должное: оригинально...

Эрик отмахнулся и развернул «Равнинные ведомости» – на этот раз свежий номер. Портрет княжны Василисы красовался там снова, но на этот раз на первой полосе и с подписью: «*Разыскивается*». Ниже было огромное интервью с князем фон Бессмертнофф – на весь разворот. «Украли!» – вопило оно заголовком. Подзаголовок пояснял: «*Невеста Равнин № 1 похищена в брачную ночь*».

– Вот кого бы я с удовольствием нашел. – Ипполит заглянул Эрику через плечо. – Какая краля, а! Нашел – и так бы и...

– Вернул бы князю как миленький, – хмыкнул Эрик, вспомнив Кощеева. Жутью от него веяло за милю.

– Ну, сначала «так бы и...», а потом уже вернул.

Эрик просмотрел газету: новых объявлений о невестах не было, но это ничего не значило – супругу для него мать из-под земли достанет, если придется.

– Ты куда? – удивился Поля, когда Эрик поднялся.

– В деканат – договорюсь о замене на субботу.

Ипполит хмыкнул.

– Удаchi. Кстати! Ты в холодильник еще не заглядывал, нет? Вот и не заглядывай. До завтра, хорошо? А я тебе еще пончики куплю.

– Разоришься, – бросил Эрик, представляя, что же такое страшное лежит в холодильном шкафу, раз Ипполит даже решил его предупредить.

Да, Эрику всегда патологически не везло – так он думал и с этим уже смирился. У всех свой дар: он вот неприятности притягивает. Ну что ж, зато по мелочи. Практикум не вовремя, подработка не та, мать... того... Но жить можно.

Так Эрик думал. Но он и не подозревал, что это все цветочки. Ягодки ждали впереди. Точнее, одна... ягодка.

Глава 2

Одуванчик и дама в гробу

Заблудиться Василиса не боялась: прямо посреди двора переливалась на солнце огромная иллюзорная карта академии с внушительной стрелкой «Вы здесь». Еще на карте имелась лестница «Муки ада» между зданиями «Твой кошмар тут» и «А зайчик твой здесь». Чуть в отдалении стоял особняк (или, лучше сказать, целый дворец), подписанный как «Сегодня оторвемся по полной!», а также пристройка с лаконичным названием «Борис».

Василиса внимательно изучила карту и попыталась вспомнить, что за зайчики могут ее ждать в академии. Никаких предположений не возникло. Зато прямо перед ней, спиной к карте, появился старичок в черной мантии, расшитой веселыми золотыми звездами. Оглянувшись, посмотрел на надписи, поцокал языком:

– Что творят, что творят!.. Девушка, а вам кого?

– Мне «куда». – Василиса ткнула пальцем в «Твой кошмар тут». – И, кажется, сюда.

Старичок прищурился, и Василиса почувствовала себя странно: как будто у нее в голове кто-то щекочется.

– И то, что вам обещают там кошмар, вас совершенно не смущает? – полюбопытствовал старичок, пока Василиса отслеживала дорогу от «Вы здесь» до «Твой кошмар тут».

– Не-а, – задумчиво отозвалась Василиса. – А где у вас приемная комиссия?

– Ну тогда вам точно туда, – усмехнулся старичок, кивнув на «Кошмар». – Только она уже месяц как не работает...

Василиса пожала плечами и направилась к «Кошмару»: по лестнице «мук» к третьему зданию слева. Оно ничем примечательным не отличалось, разве что было ниже, чем остальные, почти не украшено и над входом имело надпись: «Оставь надежду всяк сюда входящий». Дальше наличествовала подпись: «Ваш ректор». И приписка: «Вы точно уверены, что вам сюда?»

Василиса хмыкнула и толкнула дверь.

Пола не оказалось. Вместо него зияла черная-пречерная пропасть, а на стене напротив было накорябано красным: «Ну я же предупреждал». И снова: «Ваш ректор».

Василиса подалась назад и аккуратно закрыла дверь. Осмотрелась... Когда вдруг слева от нее из маленькой дверцы в подвал вылетел юноша, весь обьятый пламенем. Следом выскочила женщина, сильно напомнившая Василисе ее гувернантку. Ту, с которой не срослось.

– Чтоб я тебя больше не видела! – завизжала она фальцетом.

Юноша покатился по земле прямо к ногам Василисы, не переставая при этом жалобно стонать:

– Ну пожа-а-алуйста! Ну еще одну пересдачу! Я правда учил!

– Изydi! – рывкнула «гувернантка» и попыталась закрыть дверь. Однако Василиса успела схватиться за ручку и дернуть на себя. «Гувернантка» тоже подергала дверь, нахмурилась, смерила девушку брезгливым взглядом и выдохнула: – Ну а вам чего?

– Мне на факультет боевых магов.

Последовала пауза, прерываемая только жалобными стонами студента:

– Ну правда-а-а учи-и-и-ил!

– Еще одна, – вздохнула наконец «гувернантка», оглядывая Василису с ног до головы. – Господи, ну и вкусы у современной молодежи... Идем, провожу.

Студент тем временем потушил пламя и, дымясь, кинулся обратно.

– Ну Аристида Годдиевна, ну пожа-а-алуйста!

Василиса не могла не восхититься его упорством: даже ее женихи, напуганные князем, замком и слугами-зомби, после пламени виверн так не стремились вернуться к невесте.

«Гувернантка» же поскорее захлопнула дверь, в которую тут же поскреблись.

– Это же единственный мой «неуд», Аристида Годдиевна! А так я отличник! Вы не можете со мной так поступи-и-ить!

– Еще как могу, – откликнулась «гувернантка». – Девушка, ну чего же вы ждете? – бросила она замершей на первой ступеньке Василисе. – Идемте.

– Я для вас все! Ну все! – стонали за дверью. – Ну пожа-а-алуйста! Все сдела-а-аю, только дайте сда-а-ать!

– А вот это ты зря предложил, – пробормотала «гувернантка» и рывкнула: – Звезду с неба хочу! Полярную! Завтра же!

Василиса невежливо присвистнула.

За дверью задумчиво затихли. Потом осторожно предложили:

– А может, цветами и шоколадкой обойдемся?

– Да чтоб тебя сожрали на следующем же практикуме! – оскорбленно отозвалась «гувернантка» и, обойдя Василису, заторопилась вверх.

Внизу за дверью так и стонали: «Ну пожа-а-алуйста!» Однако все тише и тише... А винтовая лестница все кружила и кружила – Василиса успела выдохнуться и подумать, что вот это и надо было назвать «Муками».

Потом «гувернантка» распахнула перед Василисой дверь в длинный коридор, битком набитый женщинами самых разных возрастов. И все они были, как говорится, в положении.

– Вставайте в очередь, – бросила «гувернантка» и попыталась уйти.

Василиса подалась назад и схватила ее за рукав.

– Это все на поступление?

– Какое поступление? Они на пенсию. – «Гувернантка» посмотрела на Василису как на дурочку.

– Уже? – удивилась Василиса. Самой старой из претенденток было лет сорок, не больше.

– Уже, – фыркнула «гувернантка». – Женихов ждут. С боевого факультета. Со стипендией. А ты что, не такая?

Василиса ничего не поняла, но покачала головой.

– Я учиться здесь хочу. А пенсию мне не надо. Если только стипендию.

«Гувернантка» снова смирив ее изумленным взглядом.

– Приемная комиссия уже месяц как не работает. Набор закончен, милочка. – И вздохнула: – Ну вот, зря только на эту верхохоту тащились...

Василиса вспомнила лестницу и подумала примерно то же.

– Ладно, провожу тебя к декану, раз уж пришли, – продолжала «гувернантка». И, строго глянув на Василису, предупредила: – У тебя еще пара секунд, чтобы передумать.

– Не дождетесь, – отозвалась Василиса.

«Гувернантка» пожала плечами и, втолкнув Василису в коридор, потащила ее к единственной двери в глубине. Девушки с животами пытались взять ее штурмом – или хотя бы вынести – и трясли при этом какими-то свитками. А еще кричали. Громко – так, что у Василисы уши заложило.

Но «гувернантка» всех переорала:

– А ну расступились, а то я за себя не отвечаю! – И загорелась. В прямом смысле. С ног до головы, как до этого студент. Даже привыкшей к отцовским экспериментам Василисе сделалось не по себе.

А вот девицам не сделалось.

– Вас тут не стояло!

– Очередь надо было занимать!

- Мы тут с ночи ждем!
- Куда без номерка?!
- Мне только спросить, – огрызнулась «гувернантка».
- Нам всем только спросить, – разногласно ответили ей. – А ну, куда прешь!

Но «гувернантка» уже протолкалась к двери, дернула ручку и пихнула Василису через порог.

Дверь за ними с громким стуком захлопнулась, и наступила тишина – особенно звонкая после криков в коридоре.

- Я еще не звал, – прервал ее чей-то скучающий голос.

Василиса огляделась и поняла чей. В кабинете, большую часть которого занимали два письменных стола, а у стен притулились стеллажи, ломящиеся от свитков, ближе всех к двери стоял молодой человек лет тридцати. Стоял на коленях, приложившись ухом к животу тихонько всхлипывающей девицы в сарафанчике. Живот у девицы выдавался сильно – настолько, что неискушенная в процессе деторождения Василиса заподозрила проклятие.

Все это происходило у ближайшего к двери стола. Второй – у дальней стены – заняли толстячок в пижаме и женщина, одетая так элегантно, словно только что вернулась с приема у императора.

Они пили чай и, когда Василиса с «гувернанткой» вошли, дружно обернулись.

– Сказал же: в порядке очереди, – устало добавил мужчина на коленях. На вошедших он даже не посмотрел – в отличие от своих коллег у дальнего стола.

– Какой интересный случай болотного заклинания... – протянул толстячок в пижаме. – Милочка, сами зелье варили?

– Ага, – отозвалась Василиса.

– Я в восхищении, – улыбнулся толстячок, и женщина напротив него улыбнулась тоже, показав длинный тонкий язык. Раздвоенный. Змеиный.

– И все равно заходить нужно в порядке очереди, – повторил мужчина на коленях. И тут же, задрав голову, добавил: – Милочка, вы не можете плакать потише? Я ничего не слышу.

На его черной мантии слева от воротника было серебром вышито: «Кристофер фон Венге. Заместитель декана (факультет боевой магии)».

– А чего тут слышать! – еще громче зарыдала девушка с животом. – Вон он, уже толкается!

Василисе стало ее жаль: какое жуткое проклятие, еще и толкается!

– Угу, – отозвался мужчина. И, сноровисто запустив руку даме под юбку (юбка зашуршала, дама взвизгнула), извлек нечто, в чем Василиса даже не сразу признала всклокоченного, связанного по рукам и ногам домовика.

Живот девушки сразу уменьшился. Плакать она тоже перестала, зато завизжал домовик:

– Спасите!

Замдекана поднялся, сунул его девушке в руки и подтолкнул ее к двери.

– Свободна. Следующая!

– Кристоф, тебя одна здесь уже дожидается, – напомнил толстяк, посмотрев на Василису, которая провожала взглядом домовика у девушки на руках. Домовик ругался нехорошими словами и кричал, что «он на это не подписывался».

– А, точно, – отозвался Кристофер. И захлопнул дверь перед «следующей», а также ее товарками, пытающимися просочиться в щель между косяком и дверью. – Становитесь перед столом, руки по швам, задержите дыхание...

И, даже не глядя на Василису, снова опустился на колени и прислонился ухом к ее животу.

Василиса, изогнув бровь, ждала.

– Ну вы бы хоть притворились, – вздохнул наконец замдекана, вставая. – А то только время зря тратите. Сле... – Тут он впервые посмотрел на Василису и вместо окончания слова издал странный звук, похожий на «мяу». Потом перекрестился. – Боже мой, девушка, вы бы постеснялись! Кто же поверит, что на вас клюнул наш студент!

– Эти кобели клюют все, что движется, – подала голос «гувернантка». – Кристоф, она на поступление.

– Куда? Прием месяц как закончился, – отозвался замдекана. – А у чаровниц весь курс забит – на три года вперед даже с учетом списка ожидания. – Он поморщился. – И у путевых магов то же. И у целителей. Даже некромантов в этом году полный курс набрали. Извините, милочка, но ничем не могу помочь...

– А я на боевого мага хочу, – перебила Василиса. – К вам.

Кристофер замер с открытым ртом. Толстячок в пижаме поперхнулся чаем, а женщина напротив него снова улыбнулась.

– Неуш-ш-шели?..

– Да, – отозвалась Василиса. – У вас есть места, я проверяла.

– Ну, на боевиков у нас всегда недобор, – неуверенно протянул Кристофер. – Но вы же де-е-евушка...

– И что? – не поняла Василиса.

– А они боевые маги, – поднял брови Кристофер. – А вы де-е-евушка...

– А ты ш-што-то имеш-ш-шь против девуш-ш-шек – боевых-с-с-с магов? – прошипела женщина с раздвоенным языком.

Кристофер побледнел и с улыбкой обернулся.

– Что вы, госпожа Серпентина. Просто девушки и боевые маги... – он покосился на дверь. – Вон как они знакомятся.

– Я хочу быть магом, а не знакомиться! – вставила Василиса.

– А вот с этого все и начинается, – фыркнул замдекана. – С ролевых игр, знаете ли. «Научи меня, милый, с кинжалом обращаться». А потом живот! И никакой свадьбы! И – «Родная академия, раскошесь на пенсию!» А денег нет! И никогда не было! И уже точно не будет!

– Я тош-ш-ше законш-ш-шила этот с-с-с-факультет, – прошипела госпожа Серпентина. – И со мной проблем-с-с-с не было-с-с-с.

– Так это же вы, госпожа. – Бедняга Кристофер покраснел.

– И ш-ш-што?

– Ну вы... э-э-э... все-таки... э-э-э... нагина...

– И ш-ш-што?

Это «ш-ш-што» звучало так язвительно, что замдекана даже на мгновение замолчал. Потом горячо извинился.

– Хочу сдать экзамен! – встряла между тем Василиса.

– Впервые вижу, чтобы студент хотел сдать экзамен, – хмыкнул толстячок. Кивнул Кристоферу, тот вздохнул и принялся рыться в ящике своего стола. А толстячок добавил: – Ну, сдайте.

Замдекана вытащил из ящика стопку листов. Большую стопку – и всю ее протянул Василисе.

– Прошу. У вас полчаса. Решайте.

Василиса посмотрела на верхний лист и недоверчиво хмыкнула.

– А... без этого никак?

– Это стандартный тест на усвояемость школьных знаний, – начал замдекана. – Здесь учтены основы языка, счет, знания географии, истории, биологии...

– Кристоф, она же будущий боевой маг, – ухмыльнулся толстячок. – Зачем ей история с основами языка?

– Я бы попрош-ш-шила, – скривилась госпожа Серпентина. – Да будет вам извеш-ш-шно, коллега, ш-ш-што я пош-ш-шетный шлен академии лингвис-с-с-стов...

Толстячок захихикал еще в середине фразы.

– И как, долго они от вас убегали – остальные, хм, члены?

Госпожа Серпентина оскалилась, вмиг став похожей на змею куда больше, чем на человека.

– Х-х-хам!

Толстячок польщенно хихикнул и повернулся к замдекана:

– Кристоф, устрой нашей гостье нормальное испытание. А то что ты – тестики... Как будто она ребенок маленький.

Василиса, которая в жизни своей тесты не решала, а сведения о мире имела весьма сумбурные, усердно закивала.

– Но где я ей упыря сейчас достану?! – в сердцах воскликнул Кристофер. – У меня полный коридор потенциальных рожениц!

– Вот заодно от всех и избавишься.

– Но господин ректор! А что, если среди них найдется хотя бы одна настоящая?!

– Вчера не нашлась, а сегодня найдется? – хмыкнул толстячок. – К тому же тебе известно: нежить не нападает на беременных. Это аксиома.

Замдекана скривился с таким видом, словно хотел сказать всем присутствующим: «Да идите вы лесом, полем и ковыльной степью, только оставьте меня в покое!» Потом щелкнул пальцами, и из портала прямо на Василису прыгнул упырь.

Василиса, мягко говоря, ожидала чего-то... посерьезнее. Упыри играли с ней в салочки в детстве, пока мама с папой занимались экспериментами и разводили химер. Так что Василиса не испугалась, встала руки в боки и рявкнула: «Сидеть!»

Упырь бухнулся на пол и заскулил. Василиса посмотрела на замдекана.

– И что мне надо с ним делать?

– Вообще-то – отправить в портал, он в коридоре...

Дослушивать Василиса не стала – она распахнула дверь и приказала: «За мной!» Упырь, хрипя, послушался – и тащился за Василисой ровно два шага, пока одна из дам в очереди за пенсией не упала в обморок. Тогда упырь принялся и завыл. Громко, заунывно, очень трогательно.

– Божечки, это вот это там делать надо? – зашептались дамы, когда вой стих. – Это вот так проверяют?

– Пошел к portalу! – приказала Василиса, которая никакой портал не видела и, конечно, не чувствовала. Ее амулет-череп почему-то молчал. – Быстро!

Упырь пошел – а дамы побежали. Их животы стремительно уменьшались (из-под юбок разные вещи падали), а несколько девиц на поверку даже оказались мужского пола – вот они-то как раз на портал и наткнулись. Случайно. Тот высосал у них всю магию иллюзии, снял личину и куда-то отправил – судя по крикам, в неприятное место. Слава богу, заклинание Василисы не разрушилось – только амулет-череп нагрелся.

– Доставай их теперь, – вздохнул замдекана, появляясь в коридоре. – Душечка, мы здесь еще полчаса портал не откроем – иначе эфир схлопнется. Проще уборщиков вызвать. Прикончите его.

Василиса посмотрела на упыря. Тот оскалился.

– Жалко, – вздохнула девушка.

– Упыря? – изумился замдекана. За его спиной покатился со смеху толстячок, в то время как госпожа Серпентина чинно пила чай. – Дорогая моя, он уже лет десять как мертв. Подарите ему покой – и давайте с этим заканчивать!

Василиса вздохнула.

– Но...

– Примерно то же ответит его величество мадам фон Цветкофф, – вставил ректор, снова устраиваясь в кресле и подливая себе и нагине еще чаю. – Точнее, конечно, его секретарь. Успокойся, Кристоф, и запомни: не стоит без нужды злить женщину. – И подмигнул Василисе.

Та, помахивая грязной сковородой, нахмурилась.

– Что ж, дорогуша, вы приняты, – продолжал ректор. – Между прочим, отец не будет вас искать? – И посмотрел на Василису так внимательно, что той стало не по себе.

– Будет.

Замдекана, севший за стол и зарывшийся в бумаги, страдальчески поморщился, словно у него прямо сейчас вдруг занял зуб.

– И? – поднял брови ректор.

Василиса посмотрела на него в упор.

– Не найдет.

Ректор хмыкнул и протянул:

– Ну, тогда конечно... Кристоф, что ты там копаешься? Заводи дело на нашу беглянку, и давайте уже отпустим девочку обживаться. Дорога дальняя была, лягушкой от Корчаковских болот прыгать долго, да?

Василиса промолчала. А спустя пару минут замдекана нашел нужную папку, вытащил чистый свиток и глянул на Василису.

– Имя?

– Вася.

– Вася? – поднял брови замдекана.

– Вася.

Замдекана кое-как сдержал улыбку и сделал пометку в свитке.

– Чудесно. Род?

– Женский.

За вторым столом хихикнул ректор, и даже нагина сдержанно улыбнулась.

Замдекана снова отвлекся от свитка и поднял взгляд на Василису.

– Да, это мы как-то уже поняли. К какому роду вы принадлежите, моя дорогая? «Фон», «де», «ви»...

Василиса дернула губой.

– Безродная я.

Ректор снова поперхнулся чаем и выдавил:

– Да уж, безродная... Всем бы такими безродными быть...

Но Василиса бросила на него не менее внимательный взгляд, и ректор, отмахнувшись, вернулся к чаю.

– Ладно. Напишем тогда «фон Безроднофф», – пробормотал замдекана.

– А пош-ш-шему тогда «фон»-с-с-с? Выс-с-сший род-с-с-с? – прошипела нагина. Улыбалась она весьма зловеще.

– Потому что мы что-то подозреваем, – замдекана кинул взгляд на ректора. – Но не говорим что.

– А может, тогда «фон Анонимус»? – предложил тот.

– Я уже записал, – отрезал Кристофер. – Так... Возраст?

– Шестнадцать, – отозвалась Василиса.

– Предыдущее место жительства?

– Болото.

– Какое?

– Корчаковское.

Замдекана снова поднял на нее вопросительный взгляд.

– Милочка, придумайте что-нибудь другое. На Корчаковских болотах ничего, кроме пиявок, жаб и одной чокнутой ведьмы, нет...

– А вот не надо так про мою маму! – перебила Василиса, раскручивая сковородку.

Замдекана подавился словами и быстро что-то записал в свитке.

– Заявление на стипендию писать будете?

– А то!

И так Василиса подписала еще три свитка – заявление на стипендию, согласие на распределение после учебы и заявление на заселение в общежитие. Потом Кристофер выдал ей маленькую тонкую книжечку, с обложки которой на девушку уставился ее собственный портрет. Жуткий, уродливый, черный... В общем, он Василисе понравился куда больше предыдущего, на объявлении.

– Завтра первый учебный день, так что вы очень вовремя. Сейчас отправляйтесь в общежитие, по карте найдете...

– Это где «Кошмар»? – уточнила Василиса, вспомнив иллюзию во дворе.

Замдекана тяжело вздохнул, поднял взгляд к потолку и ответил:

– Нет, где «Зайчик». Отдадите это завхозу, дальше он вам все объяснит.

Инструкция Василису не устроила.

– У меня будет своя комната?

Замдекана снова тяжело вздохнул.

– Поскольку вы одна девушка на курсе – да, своя. А вот с соседями наверняка не повезет... Увидите. Давайте, Вася, у нас у всех еще дела.

Василиса снова посмотрела на книжицу и пообещала:

– Если что, я еще вернусь.

– Не сомневаюсь, – отозвался замдекана, подталкивая ее к двери.

Но тут дверь распахнулась у девушки перед носом, и в кабинет ввалился тролль-привратник. Посмотрел на Василису, потом на ректора и взвыл:

– Это она меня обидела!

Толстячок ректор подскочил, чуть не пролив на себя чай.

– Кто тебя обидел, Рут? Кто посмел тронуть мою крохотулечку?!

– Она! – рявкнул тролль, насупившись.

– Лучше идите отсюда поскорее, – шепнул Василисе на ухо Кристофер. – Давайте, давайте!

Василиса послушалась, но даже на лестнице еще слышала громкое:

– Папа-а-а-а! Она убегает!

И тоненькое, но звонкое – ректора:

– Иди сюда, маленький мой. Где тебя ударили? Сейчас я подую, и все пройдет...

«Какие-то они тут чокнутые», – подумала Василиса. Потом сверилась с картой во дворе и отправилась покорять общежитие. Себя она, конечно, считала нормальной, но если «чокнутость» других не мешает ей жить – пусть чудят сколько угодно.

А пока Василису все устраивало.

* * *

Эрик проснулся как обычно – за пять минут до будильника. И первым, что увидел, был громадный гобелен, который Ипполит вчера, сияя, как солнышко, притащил в спальню и торжественно повесил над кроватью Эрика.

– Это что? – поинтересовался тогда Эрик, разглядывая гобелен. На нем в подробностях были изображены человеческие внутренности: сердце, почки, желудок...

– Видал, какая прелесть? – повернулся к нему Ипполит. – Еле урвал на распродаже! Я подумал: самое оно будет к нашим... э-э-э... занавескам.

Эрик покосился на занавески. Они были черными и совсем не сочетались с новым гобеленом.

– Но почему именно над моей кроватью? Тебе это нравится – в своем углу и вешай!

Ипполит со вздохом посмотрел на «свой угол». Он был весь заставлен стеллажами, завален книгами, свитками, шкатулками и склянками.

– Мне некуда...

Эрик собрался было возразить: ему было что сказать по поводу «мне некуда», но Ипполит, точно фокусник, извлек из-под плаща перевязанную синей лентой коробку.

– Тортик?

А Эрик был заядлым сладкоежкой и никогда не мог устоять перед тортиком... О чем теперь сильно жалел, потому что жуткий гобелен имел еще одну особенность, о которой Ипполит или не знал, или умолчал: в темноте он светился. Разноцветно. И сейчас, лежа на кровати, Эрик имел удовольствие оценить все особенности человеческой кровеносной системы. И пищеварительной. И выделительной...

А когда Эрик насладился видом человеческого организма и уже готовился к тому, что неизбежно придется вставать, раздался звонок будильника. И в унисон ему дикий визг.

Щит Эрик поставил мгновенно – он замерцал синим над кроватями, заглушил будильник, но с визгом ничего сделать не смог. Если только еще больше не усилил.

На своей кровати подскочил Ипполит.

– Холодильник! – заорал он едва ли не громче визга и, как был – в майке и трусах, бросился в соседнюю комнату. Эрик еле щит успел убрать.

Визг стих отнюдь не сразу – Эрик как раз успел, зевая, пройти в купальную, чертыхнувшись на тазик с кровью, подписанный: «Вампирья! Ценно! Не трогать!» – и кое-как привести себя в порядок.

Потом из кухни раздалось:

– Эри-и-ик! У нас еще то-о-ортик оста-а-ался?

– Чуть-чуть, – отозвался Эрик, появляясь на пороге. И замер.

У закрытого холодильника лежал слуга – мальчишка лет четырнадцати. Рядом с ним дергалась отрубленная паучья лапа с руку длиной. Над всем этим склонялся Ипполит – то поглаживая лапу, то хлопая мальчишку по щеке. Ни мальчик, ни лапа не обращали на него никакого внимания.

– Дай, а? – увидев Эрика, попросил он.

– Зачем?

– Не хочу эликсир тратить. – Ипполит схватил блюдо с тортиком, открыл мальчишке рот и принялся запихивать в него марципановую розочку.

– Ты что делаешь?! – изумился Эрик. – Он же задохнется!

– Да не... Только в себя придет... Ты удивишься, как часто это работает...

Мальчишка действительно «пришел»: открыл глаза, дернулся, закашлялся. Непонимающе уставился на торт – и Ипполит отодвинул его, а Эрик поскорее убрал на стол и принялся кипятить воду.

– А... – Мальчик озираясь. Ипполит загораживал от него лапу и заодно холодильник. – Я... М-м-м?

– Все нормально, хороший мой, не беспокойся! – фирменным голосом целителя объявил Ипполит. – Обмороки в твоём возрасте – это абсолютно нормально...

– Но... я видел... Тут демон был!

– И галлюцинации – тоже! – Ипполит потянул мальчика вверх, помогая встать. А заодно задвигая ногой паучью лапу под стол.

– Галлю... Что? Так мне... привиделось? – удивленно бормотал мальчик.

– Ну да. Спим мы себе, а тут ты визжишь. Ты в следующий раз потише белочек лови, ага? Или паучков, да? – Ипполит порол чепуху, но с такой уверенной улыбкой, что мальчишка ему только кивал.

– Простите...

– Если еще где демона увидишь, обращайся. У меня для этого хорошие зелья есть!

– Фиг я вам свой тортик снова отдам, – встрял Эрик.

– Хоро-о-ошие зелья, – повторил Ипполит и, выпихнув мальчишку за порог, закрыл дверь. – Фу-у-ух...

– Поля, – наливая себе чай, позвал Эрик. – У нас в холодильнике лежит арахнид?

Ипполит вздрогнул и, обернувшись, жалко улыбнулся.

– Ну...

– Ты помнишь, что хранение арахнидов приравнивается императором чуть ли не к измене?

– Ну...

– Он хоть мертвый?

– Да! – тут же истово закивал Ипполит. – Совсем мертвый! Вообще! Абсолютно!

Эрик покосился на скребущую пол паучью лапу, вздохнул и, отодвинув от холодильника недовольно вякнувшего Ипполита, открыл дверцу.

Совсем вообще и абсолютно живой паук в метр ростом пошевелил в ответ жвалами.

Эрик закрыл дверцу. Обернулся.

– Чтоб к обеду этого здесь не было.

– Но...

– И в комнате тоже. Вообще нигде в общежитии и окрестностях. Ясно?

– Но!..

– Или я сам на тебя донесу.

– Ты не такой, Эрик! – патетично воскликнул Ипполит. – Ты же не предашь своего лучшего друга!

– Рискнешь это проверить?

Поля сник и целое утро с Эриком не разговаривал – тому как раз нужно было закончить программу по первокурсникам. Позже, уже в десять утра, когда звонко зазвонил колокол академии, Ипполит удивленно спросил, стоя у двери с сумкой через плечо:

– А ты что, на собрание перваков не идешь?

Эрик как раз перепроверял программу и в ответ только покачал головой.

– А как же твое кураторство?

– Боевики, – отозвался Эрик, не оборачиваясь. – Первые две пары прогуляют, как пить дать.

– Но первокурсники же! Должны гореть энтузиазмом и жаждой учебы!..

Эрик громко хмыкнул и даже отвечать не стал. Ипполит пожал плечами и ушел, не дожидаясь соседа. А Эрик в тишине и покое дописал программу, сделал планы лекций – пока за окном раздавался громкий и преувеличенно радостный голос ректора, а из холодильника – странный стук. И позже, как раз перед первой лекцией, сходил проверить расписание.

Перед ним толпились студенты – в основном первокурсники, – глазели и громко обсуждали. А еще за ночь расписание чудесным образом изменилось. Сильно.

– Теория практической магии в лесном корпусе?! – возмутился кто-то. – Да вашу ж мать!

«Практикум по нежити на заброшенном кладбище? – прочитал Эрик нужную ему колонку. И в унисон подумал: – Да вашу ж мать!»

– Сколько мы туда пилить будем?!

«Где я вам там нежить найду?!»

– Это же у черта на рогах!

«Вот именно!»

Но практикум стоял в расписании, и подписала его своей нежной ручкой госпожа Серпентина, а Эрику очень, очень не хотелось вызывать ее недовольство. Так что пришлось, сломя голову и захватив с десяток лопат, нестись на третье городское кладбище, которое находилось если не у черта на рогах, то уж точно пониже его хвоста.

– О, снова ты! Сегодня без живности? – хмыкнул возница омнибуса, приветствуя Эрика. Мимо в салон тек поток студентов, и он все не кончался. Эрик даже пожалел, что везет сейчас лишь лопаты, а не упыря. Впрочем, студентов Магической академии упырь вряд ли бы впечатлил. Они бы чертыхнулись, лишь когда Эрик предложил бы назвать его вид, возраст и степень опасности. И то не факт.

Когда поток кончился и Эрик попытался втиснуться в омнибус, выяснилось, что места дорогому преподавателю любимые студенты не оставили.

– Садись рядом, – любезно предложил возница, подвигаясь на козлах. – Прокачу с ветерком!

Так и получилось, что на первый в этом учебном году практикум Эрик прибыл весь в мыле, грязи и с больными ушами (кажется, продуло). Зато с лопатами и вовремя.

Самое обидное: он подозревал, что на первый практикум – как и на собрание первокурсников – боевики просто не явятся. Они же всегда спят до обеда – профессиональная привычка, ее будущие студенты еще в детстве нарабатывают. До обеда спишь, потом весь день и ночь воюешь.

Поэтому Эрик тащил чертовы лопаты к сторожке гробовщика и костерил секретаршу в деканате, на чьей совести было сегодняшнее расписание. А он бы мог провести это время с пользой! Например, на лекции у чаровниц...

А вместо этого бредет по кладбищу. И ведь не явятся студенты, как пить дать не явятся!

Да, Эрик был молодым преподавателем, но преподавал все-таки не первый год, и какой-никакой опыт у него был.

Однако насчет боевиков сейчас Эрик ошибся.

Они пришли.

* * *

Комната Василисе сразу понравилась: темная, пыльная, маленькая – ну прямо как папин фамильный склеп, где он обожал работать. Жаль только, мебели в ней не оказалось вовсе.

– Поищу что-нибудь для тебя, – буркнул завхоз и больше не появлялся.

Василиса полюбовалась на вид из окна – сквозь грязное стекло мало что можно было рассмотреть, но Василису поселили аж на седьмом этаже, так что по идее перед ней лежала сейчас вся столица. Ну, почти – но ее южный «отросток» уж точно. Василиса изучила очертания крыши, силуэт сада где-то далеко внизу, дорогу, проезжающие по ней экипажи...

Потом взялась распаковывать вещи.

Василиса была запасливым человеком – это тоже считалось семейной чертой: ее папа с мамой тащили в свое логово (одна – на болото, другой – в склеп) все магическое, что плохо лежит. Так что мебель Василиса привезла с собой. Уменьшила и привезла. Делов-то – когда у тебя мощный ведьмовской амулет и книга заклинаний!

Вся мебель в комнату не влезла, и Василиса оставила только сундук с одеждой и «по мелочи»: письменный стол, на который уложила «ведьмину кухню», а в укромном закутке пристроила гроб.

Спала она всегда в гробу. Ну а где еще может спать любимая дочка двух некромантов? Князь фон Бесмертнофф вообще был уверен, что гроб – это нормальная часть интерьера. А что

заезжие претенденты на Василисины руку и сердце немножко пугаются – так кто их, нынешних принцев, поймет? Гроб – это и удобно, и практично, и места много не занимает. У Василисы он был обит розовым бархатом и имел втягивающуюся в крышку мягкую игрушку – медведя-зомби. Василиса без него еще ни одной ночи не засыпала – и не собиралась ничего менять.

Завхоз, прежде чем уйти, выдал Василисе талоны в столовую – но есть хотелось куда меньше, чем спать (ну да, с Корчаковских болот до столицы дорога дальняя, а комаров на ней много). Василиса только по привычке сняла с цепочки череп и поставила его бдеть перед гробом, а сама забралась внутрь и тут же заснула мертвым сном.

Что там говорил замдекана про соседей, она не поняла и быстро выбросила из головы. А завхоз еще предупреждал, что «если спать не дадут – стучи в стену громче, вдруг поможет». Василисе спалось хорошо. Даже замечательно, пока – уже далеко за полночь – дверь в ее комнату не вынесли три «шкафа», один поперек другого шире.

«Шкафы» разговаривали – в основном они кричали про «ну здравствуй, соседка!», «давай знакомиться!» и «выпей с нами!». Василиса спросонья плохо их поняла. Ей прямо в лицо светил волшебный огонек – ярко настолько, что глаза резало.

А вот «шкафы», когда огляделись, замолчали мгновенно. В пустой комнате из гроба в ответ на их призыв познакомиться восстала встрепанная девица весьма уродливой наружности. И, щурясь, хрипло поинтересовалась:

– Че?

«Шкафы» в ответ дружно подались назад. Особенно когда в воздух поднялся сияющий зелеными глазницами череп и полетел прямо в руки девице. Та зевнула.

– Вы мои женихи?

– Э... – оторопели парни. Еще до прихода в комнату они бы дружно ответили «да» и предложили приятно провести время все вчетвером. Но уродина в гробу отбила эту охоту намертво.

Василиса наконец привыкла к свету, опустила руку и снова зевнула.

– Нет? А кто тогда?

– Твои сокурсники, – выдал наконец один – тот, что застрял сейчас в проходе. Очень уж дверной проем был узким, а плечи у парня – широкими.

– Ясно, – Василиса по привычке попыталась пригладить волосы. Они в итоге встали дыбом. – А зачем пришли?

– Знакомиться...

Василиса присмотрелась: у каждого «шкафа» в руке имелось по бутылке. Что там, Вася не знала, но надеялась, что не паленый самогон – зомби делали такой для папиной спиртовки. Не то чтобы Василиса любила выпить, но, чтобы начать отпугивать женихов уже за обеденным столом, самогон обычно годился.

– Так чего стоите на пороге? Проходите.

«Шкафы» изумленно посмотрели на Василису – а та вылезла из гроба и уставилась в ответ на них.

– Ничего, что я в пижаме?

«Шкафы» заверили, что «ничего, просто отлично». А потом аккуратненько вернулись в комнату: Вася как раз начала вытаскивать из сундука «по мелочи»: курочку копченую, яички вареные, кролика жареного...

В общем, знакомство состоялось.

Первого «шкафа» звали Илюшенька. Именно с уменьшительно-ласкательным суффиксом. Илюшенька был еще безродней Василисы – из крестьян откуда-то из южных лесов. Колдовать он умел не ахти как, зато все рвался показать сокурснице, как он может разделить упыря голыми руками. Василиса верила на слово.

Второй «шкаф» был Алешей. Алеша, как Колобок из детской сказки, сбежал и от папы-священника, и от мамы-монашки, а потом в шутку поинтересовался у Васи, не она ли та лиса.

Вася уверяла, что она разве что заяц. Но к истории Алеши прониклась: сама от отца что есть мочи удирала, только лягушачьи лапы сверкали. Правда, какова была причина побега Алеши, она так и не поняла – парень только бросил туманное: «Ох уж эти святоши!..» Еще, по его словам, он неплохо колдовал. Ему Василиса тоже поверила на слово – особенно когда он определил магический уровень ее амулета и поинтересовался, где Вася раздобыла такую редкость.

«Шкаф» номер три представился Мишей. Медведя он и впрямь напоминал весьма, тоже был из крестьян, но с севера, а еще молчун и не дурак выпить. Впрочем, последним отличались все трое, так что, когда через час они дружно улеглись под стол, непьющая Вася только укрыла их ковриком для ног (правильно, чтобы не мерзли) и забралась обратно в гроб.

Когда она вылезала поутру – под звук колокола – «шкафов» уже не было, а на столе с «кухней» поубавилось «желтого корня», известного лекарства от похмелья. И появилась записка: «Я верну. Алеша».

Дверь уже стояла на месте и казалась подозрительно новой.

– *Первый день!* – гремел колокол. – *Первый учебный день!*

Что брать с собой для первого дня учебы, Василиса не знала. Когда ее учил папа, она брала дохлую кошку – ее требовалось оживить. Когда пришла очередь гувернантки, Василиса брала набор гвоздей, стакан воды и огниво. Это был стандартный набор, а так имелись, конечно, вариации. Например, дохлая мышь.

Ничего из этого с собой у Васи не было. Так что, кое-как приведя себя в порядок, Василиса ничего и не взяла – только убедилась, что выглядит еще ужасней, чем вчера. Ну и прекрасно: отец наверняка уже добрался до столицы...

Как проходят занятия и как до них добраться, Василиса не имела ни малейшего понятия. Поэтому она решила выйти из общежития и спросить первого встречного, если таковой окажется на пути.

Оказались. Встречных было много – студенты бродили по двору в хаотичном порядке. Разбившись на группы и парочки, что-то они обсуждали и очень напомнили Василисе отцовских зомби-слуг, когда они раз в месяц отправляются на обновление сохраняющих плоть заклинаний. Во всяком случае, студенты тоже были бледные, взбудораженные и все вместе издавали невразумительный гул.

Василиса замерла на крыльце общежития, не зная, что делать дальше...

И тут во дворе появились ее сокурсники-«шкафы». Одногогруппнице они очень обрадовались и сразу поспешили к ней, раздвигая своими широкими плечами поток студентов, точно корабль – волны.

– Васенька! – заголосил Илюшенька. – Нашлась!

– Мы уже час тебя ищем, – добавил Алеша, а Миша просто кивнул. Он вообще был немногословный.

– Зачем? – Василиса сковороду с собой не взяла, а, наверное, зря. Когда тебя уже час упорно ищут три богатыря... Есть повод задуматься.

– Мы тут кой с кем пообщались, – ответил Алеша, когда все трое подошли к Василисе, и девушка впервые оценила, насколько они с ней в разных... весовых категориях. Вблизи богатыри напоминали три горы, а разговаривая с ними, Василисе приходилось задирать голову. – И поняли, что необходимо...

– Мы будем тебя защищать! – пафосно объявил Илюшенька и улыбнулся еще шире.

Миша поддакнул.

– Спасибо, конечно, – нахмурилась Василиса. – Но я сама себя защищу...

– Да нет, ты не поняла! – это был Алеша. – Оглянись: вон сколько вокруг добрых молодцев!

Василиса огляделась. Если бы три горы не заслоняли ей обзор...

– Где?

– Да вон! – Алеша подвинулся.

За ним действительно стояла группа «молодцев», и, присмотревшись, Василиса нашла, что что-то в них действительно есть. Высокие, поджарые, с мужественностью во взгляде. У одного даже кудри пшеничные вились... А остальные трое вообще были лысыми.

– Эти? – на всякий случай уточнила Василиса.

«Молодцы», заметив, что на них смотрят, оглянулись. Увидели Василису – и дружно подались назад, подальше от нее. Один даже прошептал:

– Чудовище!

Василиса польщенно улыбнулась.

– Во-о-от, – тоже улыбнулся Алеша. – Вдруг они к тебе приставать начнут? Вот тогда-то мы их того!

– Тогда я их и сама того, – начала было Василиса, но молчавший до этого Миша перебил:

– Вася, не спорь. Ты у нас в группе единственная девочка. И мы просто обязаны тебя защищать. Мы же мужчины.

Василиса ничего не поняла, но подумала, что эта «чокнутость» ей тоже жить не мешает. И, чтобы сменить тему, поинтересовалась:

– А вы знаете, где у нас занятия?

Богатыри не знали, но узнать труда не составило: Илюшенька просто схватил первого же пробегающего мимо парнишку, поднял за ворот мантии и задал тот же вопрос.

Вскоре вся группа будущих боевых магов шагала к расписанию: Василиса в центре, богатыри по бокам. «Как за каменной стеной будешь», – говорил как-то князь, и Василиса с усмешкой подумала: «Не обязательно для этого замуж выходить, папенька».

У расписания толпились студенты, но богатыри быстро их разогнались, а потом тем же макарон (у пробегающих мимо) узнали, как добраться до кладбища.

В омнибус они не влезли.

– Прогуляемся? – предложила Василиса, когда Илюшенька попытался голыми руками расправиться с возницей («Мерзавец! Посмел брать плату как за двоих!»).

Солнце светило радостное, ветер дул теплый, так что почему бы не прогуляться? Богатыри согласились.

– А у нас в академии какая-то форма есть? – выспрашивала по пути Вася, прерывая очень уж мужские шутки попутчиков. Ребята уже по третьему кругу рассказывали, как они недавно в трактире всех девиц... того. И ни одна не отказалась! Причем Вася все равно не понимала, о чем они, что было вдвойне обидно.

– Да вроде есть... – задумался Илюшенька.

– Мантии, для первокурсников темно-зеленые, – отозвался Алеша. – Их слуги должны были утром принести.

– Мне не принесли, – удивилась Василиса.

– Ну так... мы того, дверь тебе новую утром ставили, – пробормотал Илюшенька. – Слуга пробегал, да... Но мантия нам не понравилась, и мы... того...

– Чего?

– Отправили твою перешивать, – ухмыльнулся Алеша. – простая она больно. Для тебя, Вася, не годится. А наши нам не подошли. Так что завтра принесут. И вообще, не все ли равно, какая у нас форма?

– Нарушение правил скажется на оценках, – заметил вдруг молчун Миша.

Тут даже Василиса фыркнула. Оценки ее волновали меньше всего.

На кладбище было тихо, спокойно и просто неприлично солнечно. А еще пусто: преподаватель безнадежно опаздывал. Будущие боевики устроились на скамеечках у сторожки гробовщика, и Илюшенька завел длинный монолог о том, как он однажды встретил упыря. Все сводилось к тому, что упырь от Илюшеньки убежать не успел... Василиса его пожалела, а вот

все остальные смеялись и давали советы, что Илюшеньке делать, если он наткнется на упыря снова, – когда очередной взрыв смеха прервал запыхавшийся голос:

– Неужели пришли?! – причем таким тоном, что звучало оно как: «Че приперлись?»

Студенты оглянулись, и в спешащем к сторожке взмыленном юноше Василиса узнала вчерашнего Одуванчика. За ночь он как будто еще сильнее похудел, а его пальто из бежевого давно превратилось в серое, зато волосы золотились на солнце просто неприлично ярко для преподавателя по нежити (разве им не положено всем быть как... как Василисин папа?). И весь вид у преподавателя был очень... жалкий. Особенно то, как Одуванчик, отдуваясь и спотыкаясь, тащил с десятков лопат.

– Девочка, вы кладбищем ошиблись, – прокомментировал появление преподавателя Алеша.

– Глаза разуй, жертва сельской селекции, – тут же отозвался Одуванчик, останавливаясь перед студентами и бросая лопаты им под ноги. – Что, вы ли группа боевых магов с первого курса, можно не уточнять? – Он задрал голову, выслушал мертвое молчание и продолжил: – А я ваш куратор, Эрик фон Цветкофф.

– Цветкофф?! – тут же заржал Илюшенька.

– Это все, что тебя интересует?! – рявкнул Эрик – довольно громко для своей субтильной комплекции.

Мертвая тишина наступила снова.

– Еще какие-нибудь комментарии по поводу моей внешности, фамилии или рода деятельности будут? – Под взглядом преподавателя даже богатыри как будто уменьшились, а Василиса поняла, что ни черта не разбирается в людях. Это правда он вчера про маменьку говорил? – Замечательно. Тогда пройдемся по списку. Так... Алеша, Вася, Илюшенька и Миша. И да, у меня тоже есть что сказать о *ваших* именах, но я вежливый и промолчу. А теперь давайте я угадаю, кто есть кто... – Не глядя, он указал на Василису: – Илюшенька – это, полагаю, вы?

– Я это, – недовольно пробасил Илюшенька.

Эрик изогнул брови и снова ткнул в Василису пером.

– Что ж... А вы?..

– Вася.

Одуванчик издал такой звук, словно с огромным трудом сдерживал смех.

– Ясно... Значит, Вася... – Он покосился на девушку, поймал ее взгляд и почему-то смутился. – Прошу прощения, но как я мог предположить?.. Ладно, продолжаем. Алеша?

– Я, – отозвался тот.

Мишу Одуванчик угадал самостоятельно.

– Что ж, поздравляю вас с вашим первым учебным днем, – тоном весьма далеким от поздравления продолжил Эрик. – Как я уже сказал, я ваш куратор, и если у вас появятся вопросы или проблемы, за разъяснениями и помощью обращайтесь ко мне. Если же у кого-то из-за вас появятся проблемы... Но очень надеюсь, что не появятся...

– А что вы тогда сделаете? – перебил Алеша.

Одуванчик вздохнул.

– В академии имеется целая система дисциплинарных наказаний, предлагаю ознакомиться с ней самостоятельно...

– Нет, а что вы сделаете, если я, например, назову вас снова Цве... – Алеша неожиданно замолчал и вытаращил глаза. Так смешно, что Василиса, не удержавшись, прыснула от смеха.

– Итак, сегодня у нас сдвоенный практикум, – словно ни в чем не бывало продолжал Эрик. – Выбирайте лопаты и следуйте за мной. – Он подождал, пока студенты будут готовы, и, нахмурившись, по-прежнему не глядя на Васю, попросил: – Возьмите другую лопату. Та, что у вас, сломана. Между прочим, – он повысил голос, – поэтому здесь лопат в два раза больше, чем вас. Плюс еще две запасных.

– Для упыря, если мы его найдем? – просиял Илюшенька.

– Не найдете, – отрезал Одуванчик. – Алеша, вам еще нужно помолчать или вы уже успокоились? В первом случае – кивните, во втором – ну что вы там мне сейчас корчите?

Алеша, беззвучно смеясь, покивал. Эрик вроде бы ничего не сделал, но смех стал уже не беззвучным.

– Рад, что так вас развеселил, – монотонно подытожил преподаватель. Он вообще, если не огрызался, говорил монотонно, ровно и совершенно скучно. Василисе от его слов постоянно хотелось зевать. – Идемте.

Следующие минут десять они шагали по кладбищу. «Миленько тут», – думала Василиса, рассматривая веселенькие могилы. У фон Бессмертнофф склеп был куда... серьезней. Никаких цветов, никаких венков и уж тем более никаких стаканчиков и бутылок с водкой.

Эрик привел их к ограде – там, где еще оставалось место для свежих могил.

– Прошу, выбирайте место и копайте себе могилы.

– Зачем? – хором удивились студенты.

Одуванчик снова вздохнул.

– Это кладбище закреплено за вашим курсом как практическое. Именно здесь вы будете ловить ваших упырей и... другую нечисть. Но вы же не думаете, что упыри сами к вам придут? К тому же большинство обрядов по изгнанию действуют только в полночь, а до этого еще надо дожить...

– Вы хотите сказать, мы будем в могилах прятаться? – снова перебил Алеша.

Одуванчик глянул на него и ухмыльнулся.

– Именно. Поэтому вперед – копайте. Заодно ищите упырей – они прячутся, как известно, под землей...

– В норах, что ли? – буркнул Илюшенька. – Как кроты, что ли?

– Почти, – отозвался преподаватель. – И пока копаете, об этом я вам и расскажу. – Он уселся на скамеечку ближайшей могилы, расстегнул пальто, под которым обнаружилась такая же несвежая рубашка. – Итак, упыри, или ночная нежить...

– Простите, профессор, – перебила Василиса.

Эрик вздохнул.

– Я еще аспирант.

«Да какая разница?» – подумала Васа и продолжила:

– А кого мы найдем здесь в... – она глянула на небо, – полдень?

– Да! Это же ночная нежить, – поддакнул Алеша.

– Хороший вопрос, – хмыкнул Эрик. – Задайте его в деканате, когда они снова практикум на полдень поставят. Еще вопросы, пока я не начал?

Вопросов больше не было. Студенты разбрелись по пятаку кладбища – Василиса выбрала себе местечко рядом с гротом. Вот куда бы она сама свой гроб поставила...

– Васа, – так и не глядя на девушку, позвал Одуванчик. – Не перестарайтесь, хорошо? Когда устанете, отдохните. Если что, мы сами за вас докопаем.

«Чего это с ним?» – опешила Василиса.

– Я не устану.

– И все-таки.

Васа хмуро уставилась на преподавателя. Тот посмотрел на лопату у нее в руках и пожал плечами.

– Итак, ночная нежить делится на несколько видов...

«Почему он на меня не смотрит? – думала Василиса, не очень-то слушая лекцию. – Что, так противно?» И если раньше это казалось комплиментом, то на лице Одуванчика Василиса предпочла бы увидеть смущение – такое, какое появлялось почти у всех мужчин, когда они

видели ее, красавицу писаную, первый раз. Даже император сначала потерял дар речи. А этот нос воротит. Фи!

От раздражения Василиса махала лопатой особенно усердно, а когда та вдруг застряла, чуть не сломала черенок.

Профессор, попеременно зевая, читал лекцию. Богатыри сосредоточенно копали неподалеку – Илюшенька, например, уже скрылся под землей с головой. А Василиса удивленно изучала каменный саркофаг, попавший под ее лопату. Постучала по крышке, потом не выдержала и поддела ее лопатой.

Крышка немедленно откинулась, и из глубины саркофага поднялось нечто черное и здорово напоминающее гигантскую летучую мышь.

– Я – ужас, летящий на крыльях ночи! – провыло оно, целясь в шею Василисы длинными когтями. – Я...

Василиса отшатнулась, а на «мышь» упал солнечный свет.

«Ужас» тут же задымился, взвыл и поскорее убрался обратно в саркофаг, еще и крышку за собой закрыл.

Василиса недоуменно подняла лопату, не зная, что делать дальше, когда сверху раздалось:

– А это, дама и господа, подвид ночной нежити гуманоидной разумной. Называется вампир-нелегал. Вася, подвиньтесь, пожалуйста.

Василиса отошла, благо могилу она рыла на вырост и места в ней было много. Эрик спрыгнул к ней и деликатно постучал по саркофагу.

– Уважаемый.

В ответ из саркофага раздалось отборное ругательство на одном из древних языков Равнин.

Одуванчика это нисколько не смутило.

– Уважаемый, покажите ваше разрешение на въезд и купчую места на кладбище. Иначе я буду вынужден вызвать службу эвакуации.

В саркофаге перешли на более современное наречие:

– Волки позорные! Вы прав не имеете!..

– Ошибаетесь, имею, – спокойно ответил Эрик. – И снова прошу показать разрешение и купчую. Вы знаете, что мне придется сделать в противном случае.

В саркофаге на мгновение замолчали. Потом тихонечко заныли:

– Сами мы неместные, а семья у нас большая, и мать больна, а дети голодные кричат...

– Ясно, – вздохнул Эрик и повернулся к студентам. – Ждите здесь, я буквально через пять минут вернусь. И отойдите от могилы на метр. Господа, помогите даме вылезти.

Васю, не слушая возражений, вытянули на поверхность, а Эрик легко (долго ли умеючи?) выбрался сам.

Саркофаг замогильно молчал. Василису все подмывало вернуться, открыть его и рассмотреть вампира-нелегала поближе, но она почти не сомневалась, что не успеет. Да и одногруппники не пустят... Может, потом прийти сюда ночью, когда никого не будет?

– Тебе теперь должны высший балл поставить, – сказал вдруг Миша, вытирая пот с лица.

– За что? – удивилась Василиса.

– Ну, ты же нежить нашла.

– Да я ее и не... – Василиса вздрогнула, услышав рядом подозрительное шуршание. А когда обернулась, замерла.

К ним бежал паук с псину ростом.

Обычно пауков Вася не боялась. Не любила, да – лезут куда не надо, щекочутся... Но что в них страшного, в мелочи такой?

Однако этот паук был огромным, и Василиса могла разглядеть все его глаза, жвала, волоски на лапках и... Это было так... противно! Так!..

Когда от нее до паука оставалась всего одна могила, Вася отмерла, бросила лопату и, завизжав, кинулась прочь. И не одна она: ровно то же сделал здоровяк Алеша, только побежал в другую сторону.

Паук удивился. Вряд ли он что-то понял (если вообще был разумным), но целенаправленно понесся за Алешей – наверное, решил, что эта добыча побольше, а значит, сытнее. И бежал он быстрее богатыря, который путался в венках, цветах и спотыкался о могилы.

Кладбище было маленьким, и Василиса с Алешей за каких-то пять минут обежали оба его вокруг и у ворот встретились. Визжащий богатырь, визжащая уродливая девица и со всех лап догоняющий их паук.

Василиса заорала еще громче, попыталась прямо в воздухе превратиться в лягушку – не вышло. А когда увидела паука совсем близко, оцепенела, зажмурилась...

Потом раздались «плюх» и мерзкий скрежет.

Василиса приоткрыла один глаз.

Над подергивающимся пауком стоял невозмутимый Эрик с лопатой и кромкой лезвия отпиливал у него жвала. У ближайшей могилы трясся как осиновый лист Алеша. По дороге к сторожке бежали Миша с Илюшенькой, а им навстречу – люди в серых мантиях с серебристыми надписями у воротников: «Служба зачистки».

– А это нежить сумеречная – тема нашего следующего занятия. – Эрик закончил со жвалами и быстро сунул их себе под плащ. – Полагаю, на этом наш практикум можно завершить. Возвращайтесь в академию. – Он посмотрел на Алешу. – Выпейте успокоительного...

Алеша громко вздохнул и с трудом поднялся. Он все еще дрожал.

В это время на дороге встретились – и разминулись – богатыри и люди в сером. Эрик тоскливо посмотрел им вслед.

– Мне нужно за ними. Миша, Илюшенька, сможете довести ваших товарищей до общежития? На сегодня, насколько я помню, у вас больше пар нет.

Подоспевшие богатыри дружно заверили, что да, смогут. Эрик кивнул и, придерживая плащ, торопливо направился к дороге. Но, проходя мимо замершей Василисы, быстро вытащил что-то из кармана (снова не глядя!).

– Вася, возьмите. Это успокаивает. Съешьте сейчас же.

– Чт-то это? – пробормотала девушка. Правда, уже когда взяла. У «этого» была шуршащая упаковка и мятный запах.

– Шоколадка, – улыбнулся Эрик. – Сменили бы вы факультет, пока не поздно...

– Не дождетесь! – прошипела Василиса и швырнула шоколадку профессору под ноги.

Эрик поднимать не стал.

– Как хотите.

Всю дорогу до общежития Вася отбивалась от внимания богатырей, которые снова не влезли в omnibus, шли пешком, но горели желанием «одногруппницу» понести. Дескать, набегалась ведь, устала, переволновалась... Вот Алешу никто понести не предлагал!

Это и другие странности не давали Васе покоя. А особенно его не давало воспоминание о «невзгляде» профессора. Да, она уродина – но по своей воле! И только сейчас! И вообще... почему ее волнует мнение какого-то... Одуванчика?

А красиво он с пауком разделался...

Но думать об этом Вася не будет! Она вообще ни о чем думать не будет! Вася теперь самостоятельная девушка, и никакие... Одуванчики ей не нужны! Так-то.

Глава 3

Паук и невеста

Первый рабочий день Ипполита выдался суровым: когда будущий магистр целительской магии вернулся в общежитие, его правый глаз дергался, а белую парадную мантию густо покрывала подсохшая кровь.

– Эрик, – простонал он, ввалившись в комнату, – накапай мне чего-нибудь... Покрепче... Пожалуйста...

И, покачнувшись, оперся спиной о стену.

Стена звякнула «маячком» заклинания и голосом госпожи Серпентины попросила:

– С-с-снимите, пожалуйста-с-ста, вашу гряз-с-сную обувь.

Поля мигом оживился.

– Чего?!

– С-с-снимай, – повторил голос декана боевого факультета. – Сейчас-с-с ш-ш-ше!

О том, что госпожа Серпентина не любит повторять, знала вся академия, так что Ипполит в рекордные сроки избавился и от обуви, и от грязной мантии да еще и по стойке «смирно» вытянулся.

– Теперь мош-ш-шешь проходить-с-с-с, – разрешила Серпентина и умолкла.

Ипполит чертыхнулся и на цыпочках прокрался в гостиную (она же столовая, она же кухня).

– Эрик! Что за шуточки?

Эрик сидел за столом и невозмутимо читал «Ведомости». С передовицы на Ипполита глянул князь фон Бессмертнофф под заголовком: «Найду – убью!» Судя по виду князя, он бы Ипполита сейчас очень понял, потому что сам выглядел похоже: правый глаз прищурен, ноздри раздуты, рот скалится, на руках такие когти, что упырь обзавидуется.

– Спасибо, что убрал арахнида из нашего холодильника, – не отрываясь от газеты, сказал Эрик.

Ипполит довольно ухмыльнулся.

– Пожалуйста. Ну, ты же просил, а мы ведь лучшие друзья. Как я мог тебя не послушать?

Эрик что-то хмыкнул.

– Скажи, а почему у нас в прихожей разговаривает змеюк... э-э-э... госпожа Серпентина?

Эрик? Ее же здесь нигде не... – Тут Ипполит впервые огляделся.

Гостиная сияла чистотой: от стен отмыли следы ладоней, пол сверкал, ковер вспомнил про свой первоизданный цвет (а лучше бы не вспоминал: цветом была розовая фуксия), от холодильника отскребли все, что было на нем лишнего (включая коллекцию неприличных магнитиков Ипполита), и даже стол застелили новенькой зеленой скатертью, а черные занавески украсили золотой нитью, складывающейся в слова: «Поел – помой!», «А ты вынес ведро?», «Скажи нет крошкам на диване». А на самом видном месте красовался громадный и насквозь волшебный «График дежурств» со звездочками. Колонка Ипполита горела красным.

– А... – выдохнул Ипполит. Обернулся к Эрику. – А? – Потом вздрогнул и бросился в спальню. – А-а-а-а!

Отвлеченный от газеты Эрик обернулся и громко хмыкнул, когда из спальни донеслось:

– Что ты наделал?! Мои зелья!!!

– Отсортировал, – отозвался Эрик.

– У меня все – ВСЕ! – и так стояло на своих местах, – выл из спальни Поля. – А теперь?.. О, ну нет! Не-е-е-ет!!!

Эрик, улыбнувшись, опять взялся за газету. С колонки «Срочно!» на него снова посмотрел портрет княжны фон Бессмертнофф. «Найти живой или мертвой», – гласил заголовок. А если верить статье, отчаявшийся князь брал штурмом императорский дворец, причем очень деятельно. Император пока сопротивлялся, но в том, что князь его уломает и ищейки короны прочешут каждый закоулок столицы, Эрик не сомневался. С таким лицом, как у князя, своего точно добиваются.

Эрика куда больше интересовало, почему фон Бессмертнофф так уверен, что «его кроvinочка» потерялась именно в столице? Неужели кто-то и правда похитил красотку и теперь шантажирует бедного князя? Эрик на мгновение это представил, а потом вспомнил все, что читал о фон Бессмертнофф (а писали о нем много), и отмел эту мысль. Самоубийц в столице, конечно, хватало, но можно же умереть и более гуманным способом. А врагов у князя нет. Какие, в самом деле, враги у одного из лучших некромантов Равнин?

– За что?! – в дверях спальни возник всклокоченный, трясущийся Ипполит. – За что ты так со мной?! – И тут же: – Все! Не друг ты мне больше! Я сегодня же от тебя съеду! На другой этаж! Нет, в другое общежитие! Нет, в другую академию!!!

Эрик хмыкнул и кивнул на блюдо, занявшее полстола:

– Хочешь блинчик?

– ...А может даже в другое государство! Нет! Ты не соблазнишь меня своей стряпней! И я! Я никогда не забуду твое предательство! Я тебя ни за что не прощу! А с чем блинчики?

– С вишней.

На лице Ипполита отразилась борьба, достойная титана, который, по слухам, держит небо где-то там на юге, рядом с морем и песочком.

Эрик молча встал, налил во вторую чашку травяного отвара, достал тарелку, положил рядом с ней салфетку и посмотрел на Полю.

– Садись.

– Ну, если ты так просишь, – самым оскорбленным голосом, на какой был способен, отозвался Ипполит и чинно сел.

А потом совсем не чинно, брызгаясь вишневым соком, вгрызся в блинчик.

– Вытри-с-с немедленно-с-с-с! – тут же приказал голос декана боевых магов.

Поля вздрогнул и машинально потянулся за тряпкой. Потом обернулся.

Эрик смотрел на него и улыбался.

– Зафем? – дожевывая блинчик, простонал Поля. – Ну зафем это фсе, фа?

– Скажи, Поля, – не переставая улыбаться, проговорил Эрик, – куда ты сегодня арахнида выгнал?

– На кладбище! – непонимающе уставился на него Поля. – Оно заброшено, я проверял. Честное слово! Его там никто не заметит!

Улыбка Эрика превратилась в гримасу.

– Хочешь еще блинчик?

Поля посмотрел на полное блюдо и уже потянулся за новым блинчиком, но поймал взгляд Эрика и отдернул руку.

– Да что случилось?

Эрик вздохнул. Закрыв глаза, потом открыл и рявкнул:

– Это было третье городское кладбище! Закрепленное за академией! Там мои боевики практикум проходили!

– А... – Ипполит поежился. Эрик мог кричать очень громко, но эффекта госпожи Серпентины его голос не имел. – Ну... Откуда мне было знать?

– В расписании об этом написано!

– Ты предлагаешь мне изучать все расписание? Всех курсов? Да оно же меняется каждый час!

Эрик попытался улыбнуться. Спокойствие, только спокойствие...

– Съешь еще блинчик.

– Что-то не хочется.

– Уверен? – Эрик отвернулся к холодильнику и добавил: – Твой арахнид гонял моих студентов по всему кладбищу. У одного даже случился нервный приступ. Нельзя так с людьми, Поля, это плохо.

– Ха, что, вон у тех нервный приступ случился? – Поля изобразил руками габариты «шкафов». – Ух ты, я бы посмотрел!

– И посмотришь, – зловеще откликнулся Эрик.

Поля закашлялся и схватился за кружку с отваром.

– Что за?..

– Маленькая доза яда арахнида. Очень маленькая, я ему только жвала отпилил. Но тебе хватит. Спокойной ночи, Поля.

Ипполит уставился на него круглыми больше от возмущения, чем от страха глазами. И он, и Эрик знали, что малая доля яда арахнида для человека не опасна, но вызывает сильные галлюцинации. Чаще всего определенного содержания...

– Я не боюсь пауков, – сказал Ипполит, прокрутив все это в голове.

– Посмотрим. После того как они будут сниться тебе всю ночь, желание охотиться за арахнидами у тебя точно пропадет.

– Какой же ты... – Поля снова закашлялся. – Отравить соседа!..

– Ты со мной делаешь то же самое каждую сессию.

– Так для научных же целей! Кхе-кхе! Гадость какая... А мой гобелен тебе чем не угодил?

Отвечать Эрик не стал – нужды не было, Ипполит уже уткнулся носом в блюдо с блинчиками. При этом он так улыбался во сне, пока Эрик тащил его до кровати, словно пауки были его эротической фантазией.

Оставшиеся блинчики Эрик заботливо завернул и убрал в холодильник – подальше от трупа на второй полке и жвал на третьей. Ипполит пауков, может, и не боится, зато девушки их вроде бы не любят. Особенно гигантских. А уж когда тебе всю ночь снится, что этот паук тебя в паутину заматывает... Желание после такой ночи выйти замуж должно исчезнуть как не бывало. Эрик очень, очень на это рассчитывал.

Его размышления прервал стук в дверь, и почти сразу голос госпожи Серпентины очень вежливо попросил:

– Не-с-с-стойте-с-с-с на пороге, заходите-с-с-с.

Эрик выглянул в прихожую и сразу столкнулся взглядом с Кристофером фон Венге, замдекана боевого факультета. Даже в халате поверх пижамы он умудрялся выглядеть и стильно, и неприступно. Девушки от такого обычно без ума: Эрик не удивился, когда услышал томные вздохи за спиной замдекана. Кристофер же стоял невозмутимо, словно ничего и не происходило.

А пижама у него, кстати, была со слониками.

– Добрый вечер, – улыбнулся Эрик, выглядывая в коридор и замечая стайку чаровниц. Кристофер тоже обернулся, и ведьмочки дружно заулыбались, а одна даже попыталась упасть в обморок. Но никто этого не заметил, поэтому она передумала. – Пройдите?

Кристофер оглядел прихожую, особое внимание уделив дверному проему в гостиную – его закрывали висюльки из змеиных черепов, розовых и фиолетовых, – и скривился.

– Спасибо, но я воздержусь. Госпожа Серпентина просила отдать вам это. – Он протянул Эрику свиток. И тоном «цени, ты этого не стоишь» добавил: – Ваше личное расписание на завтра.

Эрик кивнул.

– Благодарю. Я изучу, подпишу и занесу завтра в деканат.

Кристофер смерил его саркастичным взглядом. Эрик сразу вспомнил, что одет в драный халат «для уборки», а под ним – только в пижамные штаны не первой свежести. На халате сверкала и переливалась всеми цветами радуги надпись: «Зайка моя», а от воротника кокетливо торчали уши.

«Ну и что – зато он мягкий и удобный», – обиженно подумал Эрик, глядя на Кристофера. Тот сказал:

– Не стоит, я сам. Прочтите сейчас – и подписывайте.

Эрик пожал плечами («Да как хотите»), развернул свиток, вчитался и выпалил:

– Да чтоб вам провалиться!

– Я передам это госпоже Серпентине, – невозмутимо отозвался Кристофер. – У вас перо найдется?

Эрик его не слушал. Он смотрел на три пары подряд у стихийников, потом еще столько же у путевиков и – для полного счастья – на выездной практикum в Военном университете.

– Опять?! Да на практикum-то я как успею?

Кристофер изогнул бровь.

– Военный университет находится совсем недалеко от вашего фамильного особняка, Цветкофф. Успеете.

– Но собраться...

– Подписывайте, Цветкофф. Деканат ведь может и передумать.

– Уж лучше бы передумал!

– Цветкофф!

– За что? – выдохнул Эрик, доставая самопишущее перо и ставя им корявую подпись.

Кристофер предпочел не отвечать. Он только, уже уходя, бросил через плечо:

– Госпожа Серпентина также ждет от вас завтра черновые тезисы и программу для путе-
виков.

«А я так хотел выспаться!» – тоскливо подумал Эрик, закрывая за замдекана дверь.

Донесшиеся из спальни счастливый вздох и бормотание «паучок мой, паучок» прозвучали теперь как насмешка.

Всю ночь Эрик проверял, перепроверял и переперепроверял сначала программу, потом черновики тезисов. Последние были еще в очень черном виде, в прямом смысле: Ипполит, когда они отмечали его сданную сессию, что-то на них вылил, не то чернила, не то краску. Потом сказал: «Не переживай, оно легко отмоеся. Универсальный отбеливатель, и все дела!» Как это часто бывает после Ипполита, легко оно не отмылось. Часа четыре Эрик потратил только на то, чтобы избавиться от краски. Избавился, но растворитель стер заодно и Эриковы записи.

– А-а-а, – тихонько простонал Эрик, глядя на чистые, девственно-белые листы бумаги, плавающие в тазике в ванной.

– Паучок, кис-кис-кис, – блаженно протянул из спальни Ипполит. – Иди ко мне...

Эрик очень хотел вылить содержимое тазика соседу на голову, но сдержался. Во-первых, не поможет, во-вторых, видеть лысого Ипполита с ожогами по всему лицу он был морально не готов.

Остаток ночи Эрик сортировал заметки к тезисам и писал новый черновик. Утром в голове шумело, а проснувшийся в прекрасном настроении Ипполит даже сочувственно спросил:

– Что, совесть заела?

Эрик промолчал.

На первой же паре стихийники подожгли макет (только макет, ну что за нелюди!) упыря, а заодно и все южное крыло третьего учебного корпуса. Эрик, забыв про вдолбленное гувер-

нерами воспитание, ругался нехорошими словами и торопился навести порядок до того, как явится начальство.

Начальство в лице декана стихийников, леди Вотерины, явилось, ровно когда последний очаг пожара был потушен, а Эрик совершенно выдохся, возвращая на место мебель (в третьем корпусе на ней была противостихийная защита) и от души довольных первокурсников (которым никакая защита не требовалась). Вотерина равнодушно посмотрела на Эрика в обгорелой мантии, на дымящихся студентов, потом на макет упыря, на котором сажей успели вывести нехорошее слово... И меланхолично протянула:

– Ну вы тут уже все?

Эрик с ошалелым видом кивнул.

– Тогда все в деканат писать заявления на стипендию, – отозвалась Вотерина и с плеском исчезла в портале. Студенты исчезли тоже, но парой мгновений спустя, пешком и чуть не задавив своего преподавателя.

Путевики оказались не многим лучше. Они требовали показать им настоящего упыря здесь и сейчас, а когда плюнувший на все Эрик их требование выполнил, довели бедную нежить до ручки. Упырь волчком крутился в защитном контуре, тяжело дышал и скулил. Эрик тоже тяжело дышал и думал, что к концу пары скулить будет примерно так же.

Но нет, скулить он начал только после беседы со своей научной руководительницей госпожой Серпентиной. Нагина разнесла его тезисы в пух и прах и потребовала принести ей новую версию не позднее чем к концу месяца.

– Вы смерти моей хотите? – выпалил тогда Эрик.

– Ес-с-сли бы я хотела-с-с-с вашей с-с-смерти, то уже давно бы вас-с-с убила-с-с-с, – со смертельной серьезностью ответила госпожа Серпентина и выдала Эрику длиннющий свиток обязательной литературы для чтения.

На практикум в Военный университет Эрик снова безнадежно опоздал: проспал свою остановку. Гидра в деревянном ящике буянила всю дорогу и обещала всех сожрать, но это было так похоже на декана факультета некромантии, у которого Эрик сейчас работал, что казалось, сейчас заседание кафедры и можно вздремнуть. Тем более все пассажиры снова жались к стеночкам и оставили бедного преподавателя в покое.

Зато студенты из Военного университета вели себя тише воды, ниже травы. Любо-дорого смотреть – но Эрик снова чуть не заснул. А вот студенты внимали, записывали и с опаской поглядывали на гидру.

– Вы спустите ее на нас, учитель? – тихонько спросили его посреди лекции.

Эрик не ответил, но слышавшая вопрос гидра оживилась и, пока Эрик вертел ее на столе, поглядывала на студентов очень плотно. В итоге Эрик просто дал задание описать строение гидры, связал ее, оставил на столе и остаток занятия нахально проспал.

– Это мне? – изумился преподаватель-тролль, снова ведущий пару в соседней аудитории. – Совсем мне? Правда мне?

– Совсем, – попытался улыбнуться Эрик. – Правда.

А про себя подумал: «Я не потащу это к матери».

– Ах ты моя лапуленька, – обрадованный тролль попытался расцеловать гидру во все ее семьдесят два щупальца. – Ты моя хорошая, ты моя красивая...

Польщенная гидра урчала, а Эрик сбежал раньше, чем она подняла крик, узнав, что хозяин ее предал, бросил и другому отдал.

Домой – то есть в фамильный особняк – Эрик ввалился на сорок минут позже назначенного в приглашении времени. Открывший дверь лакей при виде молодого хозяина перекрестился, а горничная за его плечом взвизгнула: «Не-е-ежить!»

И только возникший, словно из воздуха, дворецкий невозмутимо принял у Эрика грязное пальто.

– Добро пожаловать, милорд. Леди дожидается вас в розовой гостиной.

Эрик заметил в зеркальных стенных панелях свое отражение, тоже чуть было не принял его за нежить и прохрипел:

– Я сначала переоденусь.

– Ваши комнаты готовы, милорд, и ванна для вас уже набрана, – отозвался дворецкий. Он махнул кому-то из лакеев, и тот поклонился Эрику. – Марк вам поможет. Ваше пальто почистить или лучше сразу выбросить?

Эрик скривился. От родительского содержания он давно отказался, а своих денег на такую роскошь, как пальто, не было.

– Почистить.

Дворецкий позволил себе только изогнуть бровь, но ответил по-прежнему невозмутимо:

– Как пожелаете, милорд.

Милорд желал оказаться сейчас где угодно, лишь бы не здесь, но промолчал.

Путь до комнат занял на удивление много времени – обычно господам отводили апартаменты на втором этаже, и, насколько помнил Эрик, так у них в семье всегда и было. Но, вернувшись с летней поездки на воды, леди Эрина наняла магов, которые перенесли особняк поближе к императорскому дворцу и изменили планировку, которую Эрик уже сейчас проклинал. Лакей вел его узкой винтовой лестницей, больше подходящей слугам, чем господам, которая крутилась, крутилась и все не кончалась и не кончалась... У Эрика уже кружилась голова, когда он выпалил:

– Долго еще?

Лакей обернулся и позволил себе короткую понимающую улыбку.

– Еще два пролета, господин.

Эрик шепотом выругался.

– Что, и матушка вот так к себе поднимается?

– Нет, господин. Комнаты миледи и милорда находятся на втором этаже.

– Тогда какого... меня сюда отселили?!

Лакей пару мгновений молчал.

– Простите, господин, но миледи сказала, что ваша комната должна находиться как можно дальше от ее. На случай, если вы снова решите заняться вашими... мм... экспериментами.

– Что?! – вздрогнул Эрик. «Экспериментами» он никогда дома не занимался... в смысле, в том доме, где жила его мать. Ну, то есть всего один раз было, еще перед поступлением в академию. Но всего-то раз! Подумаешь, матери из зеркала улыбнулось привидение – оно все равно тут же развеялось. А упырь в ту ночь по дому долго и не бегал, его «зачистильщики» почти сразу забрали...

– Прошу вас, господин, – прервал его мысли лакей. Он уже открыл дверь, в которую упиралась последняя ступенька лестницы, и почтительно отступил от порога.

Эрик вздохнул.

– Да, благодарю. Марк, теперь я попросил бы еще принести мне сменную оде... Господи, что это?!

Тоже вздрогнув, лакей проследил взгляд Эрика и с трудом скрыл улыбку.

– Если я правильно помню, господин, это Бонбончик.

Эрик издал странный звук, нечто среднее между стоном и воплем, а лакей добавил:

– Миледи сказала, что ему грустно на чердаке... А еще там нужно было освободить место... И потому мы все ваши игрушки перенесли сюда...

Эрик сглотнул. Комната стараниями матушки и слуг больше подошла бы девушке: розовые обои, бантики на занавесках балдахина, огромный портрет пятилетнего Эрика, когда он внешностью еще сильнее походил на одуванчик...

И десяток плюшевых медведей, самый большой из которых был ростом с Эрика и улыбался очень похоже на декана факультета боевой магии.

– Какого черта... – выдохнул Эрик, моргнув пару раз и поняв, что никуда это безобразие не денется.

– Простите, господин, но миледи сказала убрать вашу комнату именно так...

Эрик на мгновение зажмурился. Вдохнул, выдохнул.

– Просто принеси мне одежду, Марк. И желательно не розовую.

– Слушаюсь, господин.

Когда дверь за лакеем закрылась, Эрик выдохнул и три раза профилактически побился головой о косяк. Не помогло.

– Мама! Я некромант с пятилетним стажем! Я ночую на кладбищах! От меня упыри шарахаются-а-а! – Он сглотнул, встретился взглядом с огромным медведем. – И никакой ты не Бонбончик, всегда Фнуфиком был. Ну, мама!..

Через десять минут, пока Эрик блаженствовал в купальне (у них в общежитии ванная даже для преподавателей была общая), лакей вернулся и аккуратно постучал в дверь.

– Господин, миледи напоминает, что вы опаздываете уже на час.

«Интересно, если я сдохну прямо сейчас, она наймет штатного некроманта?» – мрачно подумал Эрик. И сам себе мысленно ответил: «Нет, наймет императорского. Потому что он престижней».

– А еще миледи приказала показать вам портрет ее гостя. Я оставлю его на полке. – Дверь приоткрылась, и в зеркало было видно, как лакей просунул руку с портретом и положил его на полку у ванны. – Посмотрите, господин.

Эрик страдальчески вздохнул и, когда дверь снова закрылась, взял портрет. С него на Эрика посмотрела упакованная в глухое черное платье дама, старше самого Эрика лет на десять и всем своим видом напоминающая скорее монашку, чем девицу на выданье.

– Какие у моей матери... необычные знакомые, – пробормотал Эрик, поскорее кладя портрет обратно на полку.

За дверью отозвался лакей:

– Миледи сказала, что если вы сейчас же не поторопитесь, она оставит вас с госпожой Мартиной наедине, как только вы соизволите прийти.

Эрик сглотнул. И подпрыгнул, чуть не перевернув ванну.

– Ма-а-арк, одежду! Живо!

Когда с одеванием было покончено, Эрик мельком глянул в запотевшее зеркало. Оттуда в ответ посмотрел испуганный повзрослевший Одуванчик, смазливый и на вид робкий. «Какая масипусечка!» – только увидев, сказала предыдущая мамина гостя. «Ненавижу!» – подумал тогда Эрик, а сейчас поскорее отвернулся от зеркала.

– Марк, где моя сумка?

– Вот она, господин.

Эрик торопливо зазвенел склянками.

– Господин, – робко выдохнул лакей. – Миледи особенно подчеркнула, чтобы не увлекались алкоголем перед... э-э-э... чаем...

Эрик одним глотком выпил содержимое черного флакона и закашлялся.

– Ох, хорошо! Это не алкоголь, это чистый яд. Все, идем.

Час опоздания или нет, а матушка с гостьей все еще пили чай. Эрик по опыту знал, что это действие может продолжаться и полдня, и даже целые сутки. Однажды он пытался провести исследование «Сколько чая вмещается в женский организм?», но горничным чаевничать было некогда, а матушка оказалась ужасным подопытным.

К чаю – что-то заграничное, с приправами (наверняка матушка на водах рецепт узнала) – подавались маленькие печенки с глазурью. В вазочке в виде котенка их было много, но Эрик

знал: это больше для красоты. По поводу печенек существовал целый ритуал: хозяйка могла съесть за время чая четыре штуки, гостю полагалось две, а Эрику не полагалось вовсе. Почему – упырь его знает. Общественные правила и традиции часто ставили Эрика в тупик. Вот с нежитью объясниться намно-о-ого легче...

– Эрик, – как только лакей объявил его имя, сказала леди Эрина. И, изящно оттопырив пальчик, поставила тонюсенькую фарфоровую чашечку на блюдечко (то даже не звякнуло). – Наконец-то. Ты заставил себя ждать.

– Прошу прощения, – пробормотал Эрик, замерев у порога и не отрывая взгляда от солнечного пятна на столике между матерью и гостьей.

Леди Эрина вздохнула, всем видом давая понять: вот такой вот у нее блудный сын, и как с ним быть?.. Потом сделала рукой в воздухе изящный жест и ласково улыбнулась.

– Дорогой, позволь представить тебе леди Мартину фон Венге. Ты, конечно, слышал, какой это славный род?

Эрик слышал – все Равнины слышали. Маркиз фон Венге был не то чтобы жуть как родовит: его дедушке пожаловали наследное дворянство, так что к древнему роду фон Венге не принадлежали. Зато богатыми были очень. Их отличала жесткая хватка: когда они видели возможную выгоду, они хватали ее и не отпускали. Никогда. Эрик это не понаслышке знал: замдекана боевой магии, Кристофер, был тоже фон Венге. Интересно, кем ему приходится эта Мартина? Вряд ли сестрой, ведь совсем не похожи...

– Очень рад, – попытался улыбнуться Эрик и впервые поднял взгляд на мамину гостью. Улыбка превратилась в гримасу.

Портрет леди Мартины был правдив, но совсем не передавал внушительности ее габаритов. Леди даже сидя возвышалась и над Эриком, и над его матушкой (та, впрочем, всегда была миниатюрной). Фарфоровая чашечка в ручищах Мартины смотрелась настоящей насмешкой, как и платье – леди в нем была похожа на упакованную сосиску. Большую такую сосиску. Ну прямо как одомашненный тролль в перевязке.

Эрик сглотнул и прошел к креслу, стоящему далеко и от гостьи, и от леди Эрины. Увы, матушка его маневр заметила.

– Эрик, дорогой, не стесняйся, садись к нам поближе. – Она кивнула на стул рядом с диваном, на котором еле умещалась Мартина.

– А может, я лучше... – «исчезну из этой комнаты», – хотел бы сказать Эрик, но мать не дала ему продолжить.

– Садись! – И тут же, повернувшись к гостье, добавила: – Ох, Мартина, Эрик у меня такой робкий.

– Это определенно достоинство для мужчины, – пробасила гостья, пока Эрик по стеночке прошел к стулу.

Последовала пауза. Эрик сел, и гостья уставилась на него так пристально, будто пыталась прищипить взглядом, как бабочку булавкой. Эрик даже вздрогнул пару раз, словно эту булавку почувствовал. Во рту пересохло, а голос стал хриплым и задрожал:

– А м-м-можно мне ч-чаю?

Леди Эрина сделала знак горничной, и в руке Эрика тут же очутилась полная до краев чашка. Эрик даже не рискнул за нее взяться.

– Ну что, дорогая Мартина? – поинтересовалась минуту спустя леди Эрина. – Как вам мой сын?

Снова уткнувшись взглядом в стол, Эрик мысленно сравнил себя уже не с бабочкой, а с лошадью на конном рынке. Породистой лошадью для скачек.

– Беру! – ну точно как покупатель, отозвалась Мартина, и Эрик, глянув на нее, опять уставился на стол. Леди только что слюной не исходила, оглядывая Эрика с головы до ног. – Ваш сын прекрасен, миледи, я уверена, мы просто созданы друг для друга!

– Ну вот и замечательно, – улыбнулась леди Эрина. – Свадьбу можем сыграть уже завтра – вы же не хотели пышного празднества, я правильно помню? Особенно если...

Эрик громко откашлялся.

– Прошу прощения, леди. – Смотреть на Мартину он решительно не мог. – Но мне вас как следует даже не представили. Может быть, все-таки познакомимся? Мы же совсем не знаем друг друга...

– Вы считаете это обязательным для свадьбы? – неподдельно удивилась Мартина. – Что ж, извольте. Леди Эрина, вы мне не поможете? Девушке неприлично себя хвалить...

– О, леди Мартина, вы так скромны! – восхитилась матушка, пригвоздив Эрика взглядом к стулу. Вторая булавка в бедную бабочку. – Леди Мартина – дама честных правил. Всю жизнь она провела в монастыре Святой Оссии, а ты знаешь, дорогой, какие там строгие порядки...

– У нас дома будут такие же, – вставила Мартина. На Эрика она уже смотрела, как на свою лошадь.

– Леди, а вы в курсе, что я некромант? – не выдержал Эрик.

Леди была не в курсе.

– О, так вы волшебник? Это замечательно! Вы будете показывать фокусы нашим детям!..

– Я маг смерти, леди.

– И он обязательно это бросит, – добавила леди Эрина.

– И не подумая.

– Эрик!

– Смерти? – дошло наконец до Мартины. – Нет, это невозможно! Магия смерти противна Господу. Вы должны немедленно бросить это, Эрик!

– Никогда!

Леди переглянулись.

– Вот видите, – вздохнула леди Эрина. – Моему сыну просто необходима сильная рука. Поверьте, он поддается дрессировке, за ним только нужен глаз да глаз.

– Мама!

– Дорогой, помолчи. К сожалению, я упустила его, когда отдала в балетную школу: Эрик, представляете, сбежал оттуда и занялся этой... некромантией. Но я уверена, дорогая Мартина, уж вы-то сумеете призвать его к порядку.

– Обязательно, – кивнула Мартина. И улыбнулась Эрику: – Плохих мальчиков нужно наказывать.

Эрик снова закашлялся, прикрывая рот платочком. Леди Эрина неодобрительно глянула на него и снова поднесла чашку к губам.

– Так когда, вы говорите, мы можем сыграть свадьбу? – спросила Мартина, не сводя с Эрика собственнического взгляда.

– Если вам подходит завтра, моя дорогая Мартина... Вы не думаете, что это слишком быстро?

– О нет, посмотрев на вашего сына, я понимаю, отчего вы так торопитесь. Он так красив – странно, что невесты не выстраиваются перед вашим домом в очередь... Господин Эрик? Вам нехорошо?

«Ну слава богу, подействовало», – подумал Эрик и свалился со стула.

– Эрик? – наконец-то и мама испугалась. – Дорогой? На помощь! Кто-нибудь!

«Вот бы и правда сдохнуть», – подумал Эрик, теряя сознание. Как он уже давно убедился, это был единственный верный способ избавиться от мамы и ее «чайных» гостей.

...Увы, на этот раз он не сработал. Эрик очнулся в своей комнате, с розовыми обоями, в компании десятка плюшевых мишек и леди Мартины. Кашляя, он с тоской подумал, что от иных людей не спасет даже яд.

– Мой дорогой, – пробасила леди Мартина. Эрик лежал головой у нее на коленях, а рукой она придерживала его за живот, чтобы не сбежал. «Ну точно как тролль», – подумал Эрик. Леди Мартина тем временем продолжала: – Мне сказали, что вы выпили *это*... – Она двумя пальчиками (пальчищами в ее случае) подняла пустой флакончик из-под яда. – Императорский врач уверяет, что он не действует на некромантов в полную силу и что вы об этом знали и приняли сами. Что вы хотели этим сказать, мой дорогой?

«Дорогой» снова задержался, пытаясь освободиться. Но силой Мартина тоже походила на тролля.

– Мне придется сделать вывод, что таким образом вы пытались сбежать, – вздохнула она. – Избавиться от меня. Так, Эрик?

Эрик закашлялся.

– Что ж, – Мартина снова вздохнула и достала хлыст. Такой, как для лошадей (хотя почему «как»?..). – Вы плохо вели себя, дорогой. Мне придется вас наказать.

Эрик обалдело уставился на хлыст и подумал, а позволит ли его воспитание ответить, если эта девица «честных правил» и впрямь соберется этой штукой воспользоваться? По всему выходило, что позволит, но картина будет ужасной. Нужно было срочно что-то предпринять... Эрик вывернул голову и увидел блюдо с вишневыми блинчиками. Подогретыми, исходящими паром и накрытыми салфеткой. Эрик перед уходом в розовую гостиную попросил лакея приготовить их, и Марк просьбу выполнил – отлично! Теперь бы запихнуть хотя бы один Мартине в рот...

Та тем временем готовилась к наказанию.

– Дорогой, вы сами разденетесь или мне вам помочь?

– Что, уже? – выдохнул Эрик и встретился с Мартиной взглядом. Та опять вздохнула.

– А ведь такой хороший мальчик был – даже по портрету видно... Ничего, перевоспитаем.

И тут Эрика осенило. Она же клюнула на этот портрет, наверняка матушка сначала его показала, а потом накормила сказками, каким Эрик был послушным малышом в детстве и как он сейчас испортился. А леди Мартина, наслушавшись, собралась в крестовый поход перевоспитывать Эрика в нужную сторону.

«Ну, держись», – подумал Эрик, не сводя с леди Мартины взгляда... который вдруг стал жалостливым и полным надежды. Полным надежды был и голос, когда Эрик тихо и очень робко спросил:

– А вы правда на мне женитесь?

Леди Мартина опешила.

– Вообще-то я собиралась за вас замуж...

Эрик снова откашлялся.

– Ну да, конечно. – Хотя в случае Мартины «женитесь» больше бы подошло. – Но... правда?..

Мартина даже хлыст опустила.

– Да... И если у вас есть какие-то возражения, то нам лучше разобраться с ними прямо сейчас! – Она снова подняла хлыст.

– Нет! – быстро воскликнул Эрик. – Никаких возражений! Да я счастлив!

Мартина опять опустила хлыст.

– Правда?..

Эрик истово закивал.

– Да! Я счастливейший человек на свете! Как только я встретил вас, я сразу понял, что вы – именно та, что сделает мое счастье полным и несомненным. – «Господи, что я несу?»

Мартина тем не менее его понимала.

– Да? Но зачем же вы тогда выпили яд?

– О, это было до того, как я вас увидел! А так бы я никогда! Нет-нет! – Эрик мысленно себя проклял и извернулся так, чтобы сесть Мартине на колени. Потом обнял ее (она замерла) и, ласково отодвинув прядку волос, шепнул на ухо: – Вы же чувствуете то же, что и я? О, скажите, что это так!

– Ик! – сказала изумленная Мартина.

Эрик понял, что он на правильном пути, и продолжил:

– Я так мечтал встретить такую, как вы! Так долго ждал, так надеялся!..

– Как я? – выдохнула Мартина.

– Конечно! Кого-то, кто подарит мне покой, любовь и защиту!..

– О, это я! – обрадовалась Мартина. – А леди Эрина говорила, вы не хотите замуж... То есть жениться.

– О, матушка совсем меня не понимает! – всхлипнул Эрик. – Вам должно быть это знакомо: как не понимают тех, кто в этом мире отличается, – он мягко провел рукой по шее Мартины, и леди захихикала, – сильно отличается...

– Да... – прошептала Мартина. – Погодите. А как же некромантия?

Эрик всхлипнул снова, на этот раз сильнее.

– Да я занялся ею, чтобы показать матери, как сильно мне нужна твердая... – Он начал поглаживать пальцы Мартины, – женская... рука...

– А я из-за этой руки чуть в монастырь не ушла, – выдохнула Мартина. – Меня хотели выдать замуж за какого-то монстра... А он даже помолвки со мной не выдержал, свалился с сердечным приступом. Я ушла, думала, что кончились на свете настоящие мужчины... А тут вы... О, Эрик!

Тот захрипел – так сильно леди стиснула его в объятьях.

– Вы – мой идеал, – всхлипнула Мартина и вдруг разрыдалась.

Эрик сначала опешил, потом сунул ей плюшевого мишку и принялся успокаивать:

– Ну что вы, леди, мы же нашли друг друга. Я влюбился в вас с первого взгляда! А некромантию я брошу, я сделаю все, как вы скажете. Ну-ну... Возьмите блинчик. Он с вишней. Вы любите вишню? Я сам пек...

– Вы умеете готовить? – Глаза леди Мартины заблестели, а блинчик у нее во рту исчез с бешеной скоростью. – О-о-о, да вы с каждой минутой становитесь еще лучше!

«Еще лучше я ночью стану», – думал Эрик, подвинул к леди блюдо и лично проследил, чтобы Мартина блинчики скушала.

– Как хорошо, что мы завтра поженимся, – говорила Мартина. – О, Эрик! Я так счастлива! Я...

И она захрапела. Громко и так неожиданно, что даже Эрик подпрыгнул.

Потом аккуратно укрыл леди одеялом, положил ей под спину и голову подушку и устроился спать рядом, как верный пес.

Строго говоря, Эрику было все равно где спать, а вот если жертву яда арахнида держать за руку, то ей будет сниться, что держащий становится пауком и пеленает ее в паутину. Жуткий, мерзкий паук...

* * *

Василиса остановила яблочко на блюдечке, где таяло изображение спальни Эрика.

Он! Он обнимал эту... троллиху! Он ей улыбался! Он ей такое говорил, что Василисе ни один жених не сказал ни разу! А на нее он даже не смотрит! Даже! Не! Смотрит!

Василиса достала карманное зеркальце, взглянула на свое отражение, увидела кикимору болотную не первой свежести. Убрала зеркальце.

Твердая женская рука ему нужна? «Будет тебе рука, – подумала Василиса. – Я тебе устрою!»

Не то чтобы ей так уж хотелось завладеть вниманием Одуванчика. Просто... А вот не надо на нее *не* смотреть! Ясно?!

* * *

Эрик отлично выспался, а уж каким прекрасным было пробуждение! Проснувшись Мартина чуть не снесла собой дверь, когда убегала. А потом, судя по звукам, свалилась с лестницы.

– Любовь моя, вы в порядке? – зевая и сонно щурясь, поинтересовался Эрик, выглядывая из комнаты. – Вам нужна помощь?

Мартина подняла на него полный ужаса взгляд и завизжала:

– Не-е-ет!

– Ну, как знаете, – пожал плечами Эрик и стал вызывать слуг, чтобы набрали ему ванну и подали завтрак.

Позже, собрав вещи и аккуратно прокрадываясь мимо гостиной, Эрик спешил обратно в академию, но...

– Дорогой, зайди-ка на минутку!

«Черт!» – подумал Эрик.

– Да, мама...

Леди Эрина сидела у окна и вышивала. Тихо тикали часы, лакей у дверей пытался притвориться стенкой.

– Дорогой, что ты сделал с леди Мартиной?

– А... что случилось? – с деланным удивлением поинтересовался Эрик.

Леди Эрина подняла взгляд от вышивки.

– Она убежала из нашего дома сама не своя, что-то крича про пауков.

– А про свадьбу она ничего не кричала?

Леди Эрина прищурилась.

– Свадьбы не будет. Пока. Но, Эрик, ты же не думаешь, что сможешь отпугнуть всех своих потенциальных невест?

«Вообще-то думаю», – но этого Эрик, конечно, не сказал.

– Матушка, почему вы решили, что я их отпугиваю? Я уважаю ваше решение, я нежный и галантный кавалер...

Леди Эрина задумчиво кивнула.

– Да, я знаю. Я следила за вами вчера в зеркало.

Эрик даже не удивился.

– ...Только все они почему-то убегают, – закончила леди Эрина. – Что там было вчера в твоих блинчиках, дорогой?

Эрик сделал невинное лицо.

– Вишня, матушка.

– Ну да, ну да...

«И не проверишь, – думал Эрик. – Мартина все сожрала, прежде чем отключилась».

– Дорогой, долго это продолжаться не может. Ты найдешь себе невесту. Подумай об этом.

– Обязательно, матушка. – Эрик подошел и, как примерный сын, чмокнул мать в щеку. – До следующего месяца.

По негласной договоренности встречи с невестами у него бывали только раз в месяц. Взамен Эрик пока не сбежал на другой край света.

Леди Эрина отмахнулась и вернулась к вышивке, а довольный Эрик забрал у дворецкого пальто, вычищенное и ставшее как новенькое. И побежал ловить омнибус.

Было воскресенье, выходной, и жизнь снова казалась прекрасной и замечательной. Надо только с Кристофером поговорить, а то он за свою родственницу и обидеться может ...

– Ты чего такой довольный? – удивился Ипполит, когда Эрик зашел в их комнату и жестом заставил голос госпожи Серпентины умолкнуть.

– Все хорошо, что хорошо кончается, – улыбнулся Эрик. – Просто замечательно!

– Ну да. А как там твоё свидание с матерью?

– Даже не вспоминай! – Эрик бросил пальто, сумку и чуть не смахнул банку с пауком с прикроватного столика. Своего. – А это что ещё такое?

– А это наш домашний питомец! – улыбнулся Ипполит. – Смотри какой хорошенький, какой красивенький...

Эрик разглядел красный знак на спине паука и нахмурился.

– Он же ядовитый.

– Во-о-от, значит, ещё и полезный. – Ипполит встретился с Эриком взглядом. – Ты что, против?

Эрик вспомнил убегающую леди Мартину и тоже улыбнулся.

– Не-а.

Глава 4

«Дорогой!»

Василиса проснулась в гробу – что не было для нее так уж необычно. Необычным было другое: при пробуждении она квакнула.

– Вася! – тем временем барабанили в дверь ее сокурсники. Дверь под ударами их кулаков стонала и грозила вот-вот сорваться с петель. – Вася, вставай! Мы на уроки опаздываем!

«Ну и что?» – сонно подумала Василиса, зевая и опять квакая. Спать хотелось больше, чем учиться. А справедливости ради, учиться Васе никогда не хотелось, чего не скажешь о «богатырях»-сокурсниках. Кто б знал, что такие... большие... внушительные... м-м-м... мужчины окажутся такими ботаниками? Да еще и сразу трое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.